
ДЖ. КРИШНАМУРТИ

СВОБОДА ОТ ИЗВЕСТНОГО

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I	2
ГЛАВА II	9
ГЛАВА III	14
ГЛАВА IV	17
ГЛАВА V	20
ГЛАВА VI	26
ГЛАВА VII	31
ГЛАВА VIII	36
ГЛАВА IX	39
ГЛАВА X	43
ГЛАВА XI	48
ГЛАВА XII	52
ГЛАВА XIII	55
ГЛАВА XIV	58
ГЛАВА XV	61
ГЛАВА XVI	65

ГЛАВА I

Человеческое искание. Искаженный ум. Традиционный подход. В плену респектабельности. Человек и индивидуум. Существование как борьба. Сущностная природа человека. Ответственность. Истина. Преобразование себя. Растрачивание энергии. Свобода от авторитета.

На протяжении веков человек искал нечто за пределами самого себя, за пределами материального благополучия, — то, что мы называем Истиной, или Богом, или Реальностью, — состояние за пределами времени — нечто недоступное влиянию обстоятельств, мыслей или человеческой развращенности. И человек всегда задавал вопрос — каков смысл всего этого, имеет ли жизнь вообще какой-либо смысл? Наблюдая чудовищные смятения жизни, мятежи, войны, нескончаемые разделения на почве религий, идеологий, национальных проблем и ощущая глубокое разочарование, чувство полного крушения, он спрашивает, что ему делать, что представляет собой то, что мы называем жизнью, и есть ли что-либо за нею.

Не находя это нечто под тысячью наименований, которое он всегда искал, человек культивировал веру, веру в спасителя, идеал, а вера неизбежно порождает насилие. В этой постоянной борьбе, которую мы называем жизнью, мы пытаемся установить некий кодекс поведения, соответствующий обществу, в котором мы воспитаны, будь то коммунистическое общество или так называемое <свободное общество>. Мы придерживаемся определенного стандарта поведения, являющегося частью нашей традиции как индуистов, мусульман, христиан или какой-либо еще. Мы ищем того, кто сказал бы нам, какое поведение правильное или неправильное, какая мысль верна или не верна, и в следовании этому образцу наше поведение и наше мышление становится механическим, наша реакция автоматической. Мы можем очень легко наблюдать это в самих себе.

На протяжении столетий мы нуждались в постоянной опеке наших учителей, нашего авторитета, наших книг, наших святых. Мы говорим: <Расскажите мне о том, что лежит за этими холмами и горами, этой землей>. И мы удовлетворяемся полученными описаниями. Это означает, что мы живем со слов, наша жизнь поверхностна и пуста, мы люди <со вторых рук>. Мы живем так, как нам говорят, либо следуем нашим склонностям, нашим стремлениям, либо подчиняемся обстоятельствам и окружающей среде. Мы — результат всякого рода влияний, и в нас нет ничего нового, ничего, что мы раскрыли сами, ничего оригинального, чистого, светлого.

На протяжении всей истории идеологи и религиозные лидеры заверяли нас, что если мы будем совершать определенные ритуалы, повторять определенные молитвы или мантры, приспособляться к определенным образцам, подавлять наши желания, контролировать наши мысли, делать возвышенными наши страсти, ограничивать наши аппетиты и воздерживаться от потакания сексуальным потребностям, тогда мы, истерзав в достаточной мере свой ум и тело, найдем нечто за пределами этой короткой жизни. И это то, что делали миллионы так называемых религиозных людей на протяжении веков, либо в одиночестве, уходя в пустыню, в горы, в пещеры, странствуя от деревни к деревне с кружкой нищего, либо объединившись в группу, уйдя в монастырь, принуждая свои умы приспособляться к установленному образцу. Но измученный, сломленный ум, ум, который хочет бежать от всякой суеты, который отрекся от внешнего мира и сделался тупым из-за дисциплины и

приспособлений, — такой ум, как бы долго он ни искал, найдет лишь то, что соответствует его собственным искажениям.

Итак, чтобы открыть, существует ли в действительности нечто за пределами этой тревожной, полной страха и соперничества жизни, необходим, как мне представляется, совершенно иной подход. Традиционный подход предполагает движение от периферии внутрь, к центру, с тем чтобы со временем, в результате практики отречения постепенно прийти к этому внутреннему цветению, к этой внутренней красоте и любви, — фактически же при таком подходе делается все, чтобы стать ограниченным, мелким и ничтожным; когда, постепенно очищаясь, снимая с себя один слой за другим, полагаясь на время и считая, что желаемое можно осуществить завтра, осуществить в следующей жизни, человек наконец приближается к этому центру, он обнаруживает, что там нет ничего, потому что ум сделался неспособным, тупым и нечувствительным.

Наблюдая этот процесс, спрашиваешь себя, а не существует ли совершенно иной подход, то есть не является ли возможным рывок от центра?

Мир принимает традиционный подход и следует ему. Первой причиной беспорядка в нас самих является поиск реальности, обещанной кем-то другим. Мы механически следуем за кем-то, кто гарантирует нам удобную духовную жизнь. Самое невероятное — это то, что хотя большинство из нас противится политической тирании и диктатуре, мы внутренне принимаем авторитет и тиранию, позволяя кому-то другому калечить наши умы и наш жизненный путь. Но если мы полностью, не интеллектуально, а фактически отбросим всякий так называемый духовный авторитет, все церемонии, ритуалы и догмы, — а это означает оказаться в одиночестве, в конфликте с обществом, — мы перестанем быть респектабельными людьми. Респектабельный человек не может приблизиться к этой беспредельной, неизмеримой реальности.

Вот, предположим, вы начинаете с отрицания чего-то абсолютно ложного — традиционного подхода, — тогда, если ваше отрицание — только реакция, вы создадите лишь другой шаблон, который будет только ловушкой, если вы будете только уверять себя интеллектуально, что это отрицание — очень хорошая идея, но ничего не предпримете, вы нисколько не продвинетесь вперед. Если же вы отрицаете этот подход потому, что понимаете его нелепость и незрелость, если вы отбрасываете его потому, что вы свободны и не испытываете страха, если вы отвергаете его сокрушающим разумом, вы создаете в себе и вокруг себя большое волнение, но вы выходите из ловушки респектабельности. Тогда вы обнаруживаете, что вы больше не ищете. Вот первое, чему вы научились — не искать. Когда вы ведете поиск, вы, фактически, просто разглядываете витрины.

Вопрос, существует ли Бог, истинная реальность или как бы вы это ни назвали, никогда не может быть разрешен с помощью книг, священнослужителей или философов и спасителей. Ничто и никто не может ответить на этот вопрос, кроме вас самих. Именно поэтому вы должны познать себя. Незрелость состоит лишь в полном незнании самого себя. Понимание себя — начало мудрости.

А что представляете собой вы сами, что такое ваша индивидуальность? Я думаю, есть различие между человеком и индивидуумом. Индивидуум — это локальная сущность, живущая в определенной стране, принадлежащая к определенной культуре, к определенному обществу, к определенной религии. Человек не локальная сущность — он везде. Если

индивидуум действует только в отдельном уголке обширного поля жизни, то его деятельность совершенно не соотносится с целым. Таким образом, надо помнить, что мы говорим о целом, а не о какой-то части, потому что большее включает меньшее, тогда как в меньшем большее не содержится. Индивидуум — это маленькая, несчастная, терпящая неудачи сущность, удовлетворяющаяся своими богами и узкими традициями, тогда как человек озабочен всеобщим благом, всеобщим страданием и всеобщим смятением в мире.

Мы — люди — остались такими же, какими были на протяжении миллионов лет, — бесконечно жадными, завистливыми и агрессивными, подозрительными, полными тревог и отчаяния, со случайными вспышками радости и любви. Мы — страшная смесь ненависти, страха и доброты, насилия и мир одновременно. Внешне достигнут большой прогресс — от повозки, запряженной волами, до реактивного самолета, но психологически индивидуум все же не изменился, а структура общества всюду в мире создана индивидуумами. Внешняя социальная структура — результат внутренней психологической структуры наших человеческих отношений, так как индивидуум — результат совокупного опыта, знаний и поведения человека, каждый из нас — это склад всего прошлого. Индивидуум — это человек, который представляет собой все человечество; вся история человека записана в нас.

Проследите, что в действительности происходит внутри и вне нас и в этой построенной на конкуренции культуре, в которой вы живете, с ее требованием власти, положения, престижа, успеха и всего прочего, вдумайтесь в достижения, которыми вы так гордитесь, исследуйте всю ту сферу, которую вы называете жизнью, с конфликтом во всех формах отношений, с ненавистью, враждой, жестокостью и нескончаемыми войнами. Эта сфера, эта жизнь есть все, что мы знаем, и, будучи не в состоянии понять эту чудовищную борьбу за существование, мы, естественно, испытываем перед ней страх, ищем спасение в бегстве от нее любыми возможными способами. Мы испытываем также страх перед неизвестным, боимся смерти, боимся того, что лежит по ту сторону завтрашнего дня. Таким образом, мы боимся и известного и неизвестного. Такова наша повседневная жизнь; в ней нет надежды, поэтому любая разновидность философии, любая идеологическая теория являются путем бегства от действительности, от того, что есть.

Все внешние формы, перемены, возникающие в результате войн, революций, реформ, законов и идеологий, потерпели полный крах и не изменили основной природы человека и, следовательно, общества. Как люди, живущие в этом чудовищно уродливом мире, давайте зададим себе вопрос, может ли это общество, основанное на конкуренции, жестокости и страхе, прийти к концу? Может ли это быть не интеллектуальной концепцией, не одной лишь надеждой, но действительным фактом? Я думаю, это может произойти только если каждый из нас осознает, что мы как индивидуумы, как люди, в какой бы части света мы ни жили, к какой бы культуре мы ни принадлежали, являемся полностью ответственными за состояние, в котором находится мир. Мы, каждый из нас, несем ответственность за каждую войну, по причине агрессивности наших собственных желаний, по причине нашего национализма, нашего эгоизма, наших богов, наших предрассудков, наших идеалов, всего, что разделяет нас. И только когда мы осознаем не интеллектуально, а фактически, — так же, как мы осознаем действительный факт или ощущение боли, — что вы и я ответственны за весь этот существующий хаос, за все страдания во всем мире, так как мы внесли в это вклад нашей повседневной жизнью, являемся частью этого чудовищного общества, с его войнами, разделением, с его уродливостью, жестокостью и жадностью — только когда мы действительно это поймем, мы будем действовать. Но что может сделать человек? Что можем сделать мы с вами, чтобы создать совершенно иное общество? Мы задаем себе очень

серьезный вопрос. Существует ли вообще что-то, что может быть сделано? Скажет ли нам это кто-нибудь? Так называемые духовные вожди, которые, как полагают, понимают эти вещи лучше нас, говорили об этом, стараясь повернуть нас и втиснуть в новый шаблон, что увело нас не слишком далеко; искушенные ученые люди творили нам, но и это не продвинуло нас дальше. Нам говорили, что все пути ведут к истине: у индуиста — свой путь, у кого-то другого, как, например, у христианина или мусульманина, — свой, и что все они встречаются у одной и той же двери. Но это, если внимательно рассмотреть, окажется совершенным абсурдом. К истине нет пути. В этом красота Истины. Она живая. К неживой вещи путь имеется, потому что она неподвижна. Но когда вы видите, что истина — нечто совершенно живое, движущееся, никогда не стоящее на месте, что она никогда не пребывает ни в храме, ни в мечети, ни в церкви, и что никто, ни религия, ни учитель, ни философ не может вести вас к ней — тогда вы также увидите, что это живое нечто есть то, чем вы в действительности являетесь: ваше отчаяние, ваша боль и скорбь, в которых вы живете. В понимании всего этого вы знаете, как смотреть на эти вещи в вашей жизни. Но нельзя смотреть сквозь идеологию, сквозь экран слов, сквозь надежды и страхи.

Итак, вы видите, что вам не следует зависеть от кого бы то ни было, что нет ни лидера, ни учителя, ни авторитета, а есть только вы, ваши отношения с другими и с миром — ничего другого не существует. Когда вы осознаете это, приходит либо глубокое отчаяние, порождающее цинизм и горечь, либо, если вы встречаете лицом к лицу тот факт, что никто другой, а только вы ответственны за мир и за себя, за то, что вы думаете, что вы чувствуете, как вы поступаете, — вся жалость к себе уходит. Мы обычно стремимся обвинить других, но это форма жалости к себе.

Итак, можем ли мы, вы и я, произвести в себе без всякого воздействия извне, без какой-либо веры, без страха наказания, можем ли мы произвести в самой основе нашего существа тотальную революцию, психологическую мутацию; так, чтобы вы перестали быть жестокими, способными на насилие, соперничество, чтобы вы перестали испытывать тревогу, страх, жадность, зависть и все прочие проявления нашей натуры, создавшей это прогнившее общество, в котором протекает наша повседневная жизнь?

Важно с самого начала понять, что я не предлагаю какой-либо философии или структуры идеологических концепций. Мне кажется, что идеологии вообще лишены всякого смысла. Важна не философия жизни, а наблюдение того, что в нашей повседневной жизни действительно происходит, внутренне и внешне. Если вы очень внимательно будете наблюдать, что происходит, и исследовать это, вы убедитесь, что все основывается на интеллектуальном представлении. Но интеллект не включает в себе всей сферы жизни — это фрагмент, и как бы умно он ни был организован, каким бы древним и традиционным он ни был — это всего лишь малая часть существования, в то время как мы имеем дело со всей целостностью жизни. И когда мы вглядываемся в то, что происходит в мире, мы начинаем понимать, что не существует внутреннего и внешнего процесса. Существует лишь единый процесс — целостное тотальное движение. Внутреннее также воздействует на внешнее. Мне представляется, что быть способным смотреть — это все, что требуется, потому что если мы знаем, как смотреть, то все становится очень ясным, а для того, чтобы смотреть, не нужны ни философия, ни учитель. Никто не нужен, чтобы сказать вам, как смотреть. Вы просто смотрите.

Можете ли вы тогда, видя эту целостную истину, понимая ее не на уровне слов, а фактически, можете ли вы легко и спонтанно измениться? Вот реальный вопрос. Возможно ли осуществить революцию в психике?

Я хотел бы знать, какова ваша реакция на такой вопрос. Вы можете сказать: <Я не хочу измениться>, и большинство людей не хотят этого, особенно те, кто благополучны в социальном или экономическом отношении или придерживаются догматических убеждений и склонны принимать себя и вещи лишь в существующем или несколько модифицированном виде. Этих людей мы не касаемся. Или вы можете сказать более уклончиво: <Это слишком трудно, это не для меня>. В этом случае вы уже блокировали себя. Вы перестали спрашивать, и бесполезно идти дальше. Или вы можете сказать: <Я понимаю необходимость радикальной внутренней перемены во мне, но как мне это осуществить? Укажите мне путь, помогите мне в этом>. Если вы так говорите, значит вас отнюдь не интересует перемена в вас самих. Вы фактически не заинтересованы в радикальной революции, вы просто ищете метод, систему, которые произвели бы перемену.

Если бы я был достаточно неразумен, чтобы дать вам систему, и если бы вы были достаточно неразумны, чтобы ей следовать, вы бы только копировали, подражали, приспособлялись, соглашались, а когда вы так поступаете, вы устанавливаете для себя авторитет кого-то другого и, следовательно, имеет место конфликт между вами и этим авторитетом. Вы чувствуете, что должны поступать так, как вам говорят, и тем не менее вы не в состоянии это сделать. У вас ваши собственные особые наклонности, тенденции и затрудняющие обстоятельства, которые вступают в конфликт с системой, принятой вами, и поэтому возникает противоречие. Таким образом, вы будете вести двойную жизнь между идеологией системы и действительностью вашей повседневной жизни. Пытаясь приспособляться к идеологии, вы подавляете себя, тогда как в действительности истинна не идеология, а то, что вы есть. Если вы пытаетесь изучить себя со слов другого, вы всегда остаетесь человеком <мыслящим>. Человек, который говорит: <Я хочу измениться, скажите мне, как это сделать>, кажется очень искренним и очень серьезным, но он не таков. Ему нужен авторитет, который, как он надеется, создаст порядок в нем самом. Но может ли авторитет когда-либо создать в нас внутренний порядок? Порядок, навводимый извне, всегда порождает беспорядок. Вы можете увидеть истину этого интеллектуально, но можете ли вы действительно воспринять это так, чтобы ваш ум больше не проецировал никакого авторитета, авторитета книги, учителя, жены или мужа, родителя, друга или общества? Ведь мы всегда действовали в соответствии с образцом некой формулировки, формулировка превращалась в идеологию и авторитет; но в тот момент, когда вы действительно поймете, что вопрос <как мне измениться?> порождает новый авторитет, — вы покончите с авторитетом навсегда.

Давайте скажем это более ясно: <Я понял, что должен измениться. Полностью, до самых корней моего существа; я не могу больше зависеть от какой-либо традиции, ибо традиция привела к возникновению этой великой лени, примирению и покорности. Я не имею возможности надеяться на другого, что он поможет мне измениться, будь это учитель или бог, верование, система, внешнее давление или воздействие>. Что тогда произойдет?

Прежде всего, можете ли вы отбросить всякий авторитет? Если можете, это означает, что вы больше не испытываете страха. И что тогда происходит? Когда вы отбрасываете нечто ложное, пребывающее в вас на протяжении многих поколений, когда вы сбросили с себя всякого рода бремя, что тогда происходит? У вас становится больше энергии, не так ли? Ваш

ум становится более мощным, приобретает большую силу, большую интенсивность и жизненность. Если вы этого не ощущаете, значит вы не сбросили всю ношу, не отбросили мертвый груз авторитета.

Но если вы это отбросили и имеете эту энергию, в которой совсем нет страха, страха совершить ошибку, страха поступить правильно или неправильно, тогда разве сама эта энергия не является мутацией? Мы нуждаемся в потрясающем количестве энергии и мы расточаем ее из-за страха, но когда существует энергия, которая приходит в результате отбрасывания всех форм страха, эта энергия сама по себе производит коренную внутреннюю революцию. Вы сами не должны ничего для этого предпринимать.

Итак, вы предоставлены самому себе, и это действительно то состояние, в котором должен находиться человек, очень серьезно относящийся ко всему этому; и поэтому вы больше не надеетесь, в смысле помощи, ни на кого и ни на что. Вы уже свободны, чтобы делать открытия. Когда есть свобода — существует энергия; когда есть свобода — не может произойти ничего неправильного. Свобода по сути своей отлична от мятежа. Когда есть свобода — не существует такого понятия, как поступать правильно или неправильно. Вы являетесь свободным и от того центра, который действует, поэтому нет страха. А ум, в котором нет страха, способен на великую любовь. Когда существует любовь — она может делать все, что ей угодно. Таким образом, мы собираемся приступить к изучению самих себя, не ориентируясь ни на кого, ни на меня, ни на какого-либо аналитика или философа. Если, изучая себя, мы ориентируемся на других, мы изучаем их, а не себя. Мы же собираемся узнать, каковы мы в действительности. Установив, что нам не следует зависеть ни от какого авторитета для совершения тотальной революции во внутренней структуре нашей психики, мы оказываемся перед необычайно большой трудностью. Нам нужно преодолеть наш собственный внутренний авторитет, авторитет нашего специфического малого опыта, накопленных знаний, мнений, идей или идеалов. У нас имеется наш личный опыт, опыт вчерашнего дня, научивший нас чему-то, и то, чему он научил, становится новым авторитетом. Этот авторитет вчерашнего дня так же разрушителен, как и авторитет тысячелетней давности. Чтобы понимать себя, не требуется никакого авторитета, ни вчерашнего, ни тысячелетней давности, потому что мы — живые существа, всегда движущиеся, текущие, никогда не пребывающие в состоянии покоя. Когда мы наблюдаем себя при помощи мертвого авторитета вчерашнего дня, нам не удастся понять движения, красоту этого движения, его особое свойство. Быть свободным от всякого рода авторитета — вашего собственного и авторитета другого — это значит умереть для всего вчерашнего, так, чтобы ваш ум был всегда свежим, всегда юным, чистым, полным сил и страсти. Только в таком состоянии человек изучает и наблюдает. Для этого необходима высочайшая степень осознания. Фактического осознания того, что происходит внутри вас, без того, чтобы корректировать или объяснять, что должно или не должно было бы быть. Потому что в тот момент, когда вы корректируете, вы устанавливаете новый авторитет, авторитет цензора.

Теперь мы вместе попытаемся исследовать нас самих. Не так, чтобы кто-то объяснял, а мы в это время, читая и следя за словами на странице, соглашались или не соглашались с ними, но так, чтобы мы отправились в путь вместе. В путь к открытию самых сокровенных уголков нашего ума. Отправиться в такой путь мы должны налегке. Нас не должен обременять груз мнений, предрассудков и умозаключений — весь этот старый хлам, который мы накопили более чем за 2000 лет. Забудьте все, что вы знаете о себе, забудьте все, что вы когда-либо о себе думали. Мы отправимся в путь так, как если бы мы не знали ничего.

Ночью шел сильный дождь, а теперь небо начинает проясняться, наступает новый бодрящий день. Давайте встретим этот новый день так, как если бы в нашем распоряжении был единственно только этот день. Давайте начнем наше путешествие вместе, оставив позади все воспоминания вчерашнего дня, и впервые постараемся понять себя.

ГЛАВА II

Изучение себя. Простота и скромность. Обусловленность.

Если вы думаете, что важно понять себя только потому, что я или кто-то другой сказал вам, что это важно, то я опасюсь, что всякое общение, всякий контакт между нами окажется невозможным. Но если мы согласимся, что понимать себя полностью жизненно важно, тогда у нас с вами будут совершенно иные отношения, тогда мы сможем совместно вести исследование, и это исследование будет глубоким, разумным и радостным.

Мне не нужна ваша вера. Я не выдвигаю себя в качестве авторитета. Мне нечему учить вас. У меня нет ни новой философии, ни новой системы, ни нового пути к реальности. К реальности не существует пути, так же как нет его и к истине. Всякий авторитет, какой бы он ни был, особенно в сфере мышления и понимания, является разрушительным и вредным. Лидеры губят последователей, последователи губят лидеров. Вы должны быть одновременно и своим собственным учителем, и своим собственным учеником. Вы должны поставить под вопрос все, что человек согласился считать ценным и необходимым. Когда вы не являетесь чьим бы то ни было последователем, вы чувствуете себя очень одиноким. Так будьте одиноким. Почему вы боитесь быть одиноким? Потому что вы оказываетесь лицом к лицу с самим собой, какой вы есть, и вы убеждаетесь, что вы пустой, глупый, тупой человек, исполненный чувства вины и тревоги, что вы мелкое, дрянное, несостоятельное существо, живущее <из вторых рук>. Встретьте этот факт лицом к лицу, взгляните в него и не убегайте от него прочь. В тот момент, когда вы бежите прочь, возникает страх.

Исследуя себя, вы этим не изолируете себя от остального мира. Это не является каким-то нездоровым процессом. Во всем мире человек захвачен теми же повседневными проблемами, что и вы. Поэтому исследовать себя совсем не значит быть неврастеником. Ведь различия между индивидуумом и коллективом не существует. Это действительный факт. Я создал мир таким, каков я есть. Поэтому не дайте себе затеряться в этой борьбе между частью и целым. Я должен осознать всю целостность самого себя, а это возможно только тогда, когда ум выходит за пределы индивидуального и социального сознания. Таким образом я сам могу стать для себя никогда не затухающим светочем.

Как же нам качать понимать себя самих? Вот я — и как мне изучить себя, наблюдать себя, понять, что в действительности во мне происходит? Я могу наблюдать себя лишь в отношении, ибо вся жизнь есть отношение. Бесполезно, сидя в углу, медитировать о самом себе. Я не могу существовать сам по себе. Я существую лишь в отношении к людям, вещам и идеям, и, изучая мое отношение к внешним вещам и людям, так же, как к вещам внутренним, я начинаю понимать себя. Всякий иной подход к пониманию себя есть просто абстракция. Я не могу изучать себя абстрактно, я не являюсь абстрактной сущностью, поэтому я должен изучать себя в действительности таким, каков я есть, а не таким, каким я желаю быть.

Понимание не есть интеллектуальный процесс. Приобретение знаний о себе и изучение себя — две разные вещи. Ибо знание, которое вы накапливаете о себе, всегда является прошлым. Ум, обремененный прошлым, — это ум, полный скорби. Изучение себя не похоже на изучение языка, технологии или науки, когда вы, разумеется, должны накапливать и

запоминать; было бы нелепо всякий раз начинать все сначала. В сфере психологии изучение себя всегда происходит в настоящем, знание же — всегда в прошлом. И поскольку большинство из нас живет в прошлом и удовлетворены прошлым, знание становится для нас чрезвычайно важным. Вот почему мы преклоняемся перед эрудитом, перед умным и хитрым. Но если вы учитесь все время, учитесь каждую минуту, учитесь наблюдая и слушая, учитесь понимая и действуя, тогда вы откроете, что обучение — это непрерывное движение без прошлого.

Если вы скажете, что будете изучать себя постепенно, постоянно добавляя понемногу, то вы будете изучать себя не таким, каков вы есть сейчас, а с помощью накопленных знаний. Учение требует большой восприимчивости; восприимчивости нет, когда есть идея, ибо идея — это прошлое, доминирующее над настоящим. Тогда ум уже не является быстрым, гибким, живым. Большинство из нас нечувствительно даже физически. Мы переедаем, не заботимся о правильной диете, мы много курим и пьем, так что наши тела грубеют, становятся нечувствительными. Способность самого организма быть восприимчивым притупляется. Как может быть ум очень живым, восприимчивым, когда сам организм вялый и сонный? Мы можем быть восприимчивыми в отношении некоторых вещей, затрагивающих нас лично, но обладать полной восприимчивостью в отношении всего, что включается в жизнь, возможно только тогда, когда нет разделения между организмом и психикой. Это — целостное движение.

Чтобы понять что-либо, вы должны жить этим, вы должны это наблюдать, знать все его содержание, природу, структуру, его движение. Пытались ли вы когда-либо сжиться с самим собой? Если попытаетесь, то вы начнете понимать, что ваша структура — не статическая. Вы — это нечто постоянно обновляющееся, живое; для того чтобы жить с живым, ваш ум должен быть живым. Но он не может быть живым, если находится в плену мнений, суждений и оценок. Для того, чтобы наблюдать движение вашего ума и сердца, всего вашего существа, у вас должен быть свободный ум. Не тот, который соглашается или не соглашается, ведет спор по поводу слов, а тот ум, который стремится понять — и это очень трудно, потому что большинство из нас не умеет видеть и слышать свою собственную жизнь, так же как не умеет видеть красоту реки или слышать шелест ветерка в листве деревьев.

Мы не можем видеть ясно, когда мы осуждаем или оправдываем, или когда наш ум занят непрерывной болтовней. Тогда мы не замечаем то, что есть. Мы воспринимаем лишь создаваемые проекции нас самих. У каждого из нас имеется представление о себе, какими мы себя мыслим, или какими мы должны быть. Но этот образ совершенно не дает нам видеть, каковы мы в действительности. Одна из самых трудных вещей в мире — это смотреть на что-либо просто. От того, что наши умы слишком сложны, мы утратили качество простоты. Я не имею в виду простоту в одежде или пище — дело не в том, чтобы носить одну лишь набедренную повязку, ставить рекорды поста, совершать те или иные нелепые поступки, которые культивируют святые, — но ту простоту, которая дает возможность смотреть на вещи прямо, без страха, которая помогает нам видеть себя такими, каковы мы есть в действительности, — говорить, что мы лжем, когда мы лжем, не пытаясь это прикрыть или убежать от этого. Для того, чтобы понять себя, мы нуждаемся также в большой скромности. Если вы начнете с того, что скажете: <Я знаю себя>, то вы уже прекратили изучение себя; если вы говорите: <Во мне очень мало такого, что можно было бы изучать, потому что я просто скопление воспоминаний и идей, переживаний и традиций>, то и в этом случае вы прекратили процесс изучения себя самого. В тот момент, когда вы говорите, что вы чего-то достигли, вы утрачиваете качества чистоты и скромности; в тот момент, когда вы делаете

умозаключение или начинаете исследовать, отталкиваясь от знания, ваше исследование на этом закончилось, потому что вы истолковываете новое в терминах старого. В то же время, если у вас нет опоры под ногами, если нет уверенности, нет достижения, существует свобода видеть, постигать. А когда есть свобода видеть, вы всегда видите новое. Человек самоуверенный — мертвый человек.

Но как мы можем обрести свободу видеть и изучать, если с момента рождения и до момента смерти наш ум формируется определенной культурой, в соответствии с узким шаблоном нашего <я>? На протяжении столетий мы были обусловлены национальностью, кастой, классом, традицией, религией, языком, воспитанием и образованием, литературой, искусством, обычаями, всякого рода условностями, пропагандой, экономическим давлением, пищи, которую едим, климатом, в котором живем, семьей, нашими друзьями, нашими переживаниями — всеми влияниями, которые только можно себе представить, и поэтому наша реакция на каждую проблему является обусловленной. Осознаете ли вы, что вы обусловлены? — вот первое, о чем вы должны спросить себя, а не о том, как освободиться от вашей обусловленности. Вы, быть может, никогда от нее не освободитесь. И если вы творите: <Я должен от нее освободиться>, вы можете попасть в другую ловушку, в другую форму обусловленности. Итак, осознаете ли вы, что вы обусловлены? Знаете ли вы, что, даже когда вы смотрите на дерево и говорите: <Это дуб>, или <это банан>, — определение дерева, являющееся знанием ботаники, так обусловило ваш ум, что слово становится между вами и фактическим видением дерева? Чтобы войти в контакт с деревом, вы должны коснуться его, слово не поможет вам в этом.

Как можете вы узнать, что вы обусловлены? Кто вам об этом скажет? Что говорит вам о том, что вы голодны — не теоретически, а фактически, точно так же, как о том, что вы обусловлены? Не скажет ли вам об этом ваша реакция на проблему, на вызов? Вы отвечаете на каждый вызов в соответствии с вашей обусловленностью, а ваша обусловленность, будучи неадекватной, всегда реагирует неадекватно.

Когда вы начинаете осознавать это, не вызывает ли у вас обусловленность расой, религией, культурой такого чувства, будто вы находитесь в тюремном заключении? Возьмите хотя бы одну форму обусловленности — национальную, осознайте ее серьезно, глубоко, посмотрите, доставляет ли она вам удовольствие или возмущает вас, и, если она вас возмущает, не хотите ли вы освободиться, прорваться сквозь всякую обусловленность. Если вы удовлетворены вашей обусловленностью, вы, очевидно, в отношении нее ничего не будете предпринимать, но если, начиная осознавать ее, вы не испытаете удовлетворения — вы ясно поймете, что никогда не действовали вне обусловленности. Никогда! И поэтому вы всегда живете в прошлом, которое мертво.

Установить, насколько вы обусловлены, вы можете лишь когда ваше удовольствие прерывается конфликтом, или когда вы пытаетесь избежать боли. Когда вокруг вас царит полное счастье: ваша жена вас любит, вы любите ее, у вас хороший дом, прекрасные дети и много денег, — вы совершенно не осознаете своей обусловленности. Но когда все это рушится, когда ваша жена глядит на кого-то другого или вы теряете свои деньги, или когда вам угрожает война или какое-то другое горе или тревога — тут уж вы знаете, что вы обусловлены. Когда вы боретесь с разного рода неурядицами или защищаете себя от внешней или внутренней угрозы, вы знаете, что вы обусловлены. И так как многие из нас большую часть времени находятся в состоянии беспокойства, поверхностного или глубокого, само это

состояние беспокойства показывает, что мы обусловлены. Пока животное ласкают, его реакция нам приятна, но стоит выказать к нему враждебность и оно сразу ошетинится.

Нас беспокоит жизнь, политика, экономическое положение, ужас, жестокость и скорбь, существующая в мире, как и в нас самих, и вследствие этого мы осознаем, как тесны те рамки обусловленности, которые нас сковывают. Что же нам делать? Примириться с этим беспокойством и жить с ним, как поступает большинство из нас, привыкнуть к нему, как привыкаешь жить с болью в пояснице? Или возносить его?

Все мы склонны примиряться с такими вещами, свыкаться с ними, сваливать их на обстоятельства. <Ах, если бы условия были благоприятны, я был бы другим>, говорим мы; <Дайте мне возможность, и я реализую себя>, или <Меня подавляет несправедливость всего этого>, — говорим мы, всегда возлагая ответственность за наше бедственное положение на других, на окружающую среду или на экономическое положение.

Если человек примиряется со своим бедственным положением, его ум становится тупым. Подобным же образом человек может настолько привыкнуть к окружающей его красоте, что перестанет замечать ее. Человек становится равнодушным, жестким, бессердечным, и его ум все более тупеет. Если мы не привыкаем к своим невзгодам, то пытаемся спастись от них бегством, принимая наркотики, присоединяясь к какой-либо политической группе, кричим, пишем, ходим на футбольный матч или в церковь или находим разного рода другие развлечения.

Почему так происходит, что мы убегаем от действительных фактов? Мы боимся смерти, — я просто беру это как пример. Мы выдумываем всякого рода теории, надежды, верования, чтобы уйти от смерти, но факт все же остается. Чтобы понять какой-либо факт, мы должны смотреть на него, а не убегать от него. Большинство из нас испытывает страх перед жизнью, так же, как и страх перед смертью. Мы боимся за нашу семью, боимся общественного мнения, боимся потерять свою работу, положение и сотню других вещей. Простой факт состоит в том, что мы вообще боимся; не в том, что мы боимся того или этого. Почему же мы не можем встретить этот факт лицом к лицу?

Вы можете встретить факт лицом к лицу только в настоящем, но если вы никогда не даете ему быть в настоящем, потому что всегда убегаете от него, вы никогда не можете с ним встретиться, и поскольку вы культивируете целую систему способов бегства, вы в плену этой привычки к бегству.

Если вы достаточно восприимчивы и серьезны, то вы не только осознаете вашу обусловленность, но осознаете также опасности, которые являются ее результатом, — жестокость и ненависть, к которым она ведет. Почему же тогда, видя опасность вашей обусловленности, вы не действуете? Не происходит ли это потому, что вы ленивы? Ведь лень — это недостаток энергии. Однако недостатка энергии не будет, если вы встретите непосредственную физическую опасность, такую, например, как змея на вашей дороге, или обрыв, или огонь. Почему же вы не действуете, видя опасность вашей обусловленности? Если бы вы видели, что опасность национализма угрожает вашему обществу, разве бы вы не действовали?

Ответ один — вы не видите. Применяя интеллектуальный анализ, вы, может быть, и видите, что национализм ведет к самоуничтожению, но в этом видении не будет

эмоционального фактора. Только когда присутствует эмоциональный фактор, вы оживаетесь, становитесь деятельным.

Если же вы видите опасность вашей обусловленности лишь на уровне интеллектуального представления, то и тогда вы ничего не предпримете в отношении нее. Если опасность воспринимается просто как идея, возникает конфликт между идеей и действием, и этот конфликт поглощает вашу энергию. Только когда вы видите обусловленность и ее опасность одновременно, так, как видели бы пропасть перед собой, тогда вы действуете. Таким образом, видение есть действие.

Большинство из нас идет по жизни, не проявляя достаточного внимания, бездумно реагируя в соответствии с окружающей обстановкой, в которой мы были воспитаны, и такие реакции создают лишь дальнейшую зависимость, дальнейшую обусловленность; но в тот момент, когда вы все внимание устремляете на вашу обусловленность, вы видите, что полностью свободны от прошлого, что оно само отпадает от вас.

ГЛАВА III

Сознание. Целостность жизни. Осознание.

Когда вы осознаете свою обусловленность, вам станет понятна целостность вашего сознания. Сознание представляет собой целостную сферу, в которой функционирует мысль и существует отношение. Все мотивы, потребности, страхи, вдохновение, удовольствие, страстные желания, надежды, печали, радости пребывают в этой сфере. Но мы разделили это сознание на бодрствующее и спящее, на высшие и низшие уровни, на поверхности — это наши повседневные мысли, чувства и деятельность, а под ними так называемое подсознание, то, что не является привычным, что проявляется случайно, через предчувствия, интуицию и сны. Мы занимаемся только одним небольшим уголком сознания, который больше всего связан с нашей жизнью, остальное, называемое нами подсознанием, с его мотивами, страхами, расовыми и наследственными качествами остается для нас недоступно. И вот я задаю вам вопрос: существует ли вообще такая вещь, как подсознание? Мы очень свободно пользуемся этим словом. Мы согласились считать это чем-то существующим, позволив тарабарщине аналитиков просочиться в наш язык. Но существует ли такая вещь? И почему мы придаем ей такое исключительное значение? Подсознание представляется мне таким же тривиальным и тупым, как и наш сознающий ум, — таким же узким, фанатичным, зависимым, тревожным и мелочным,

Итак, возможно ли охватить всю сферу сознания, а не только часть, фрагмент ее? Если вы способны охватить всю сферу целиком, тогда будет функционировать ваше полное, а не частичное внимание. Это важно понять, чтобы осознать, почему, как только вы охватываете всю сферу сознания, исчезает трение. Оно возникает только тогда, когда вы делите сознание, включающее все мышление, восприятие и действие, на различные уровни — тогда существует трение и дисгармония. Мы живем во фрагментах. На работе вы одно существо, дома — другое. Вы говорите о демократичности, а в душе вы деспотичны. Вы говорите о любви к вашему соседу, а вместе с тем вы убиваете его конкуренцией. Какая-то часть вас действует, наблюдает независимо от другой. Сознаете ли вы это фрагментарное существование вас самих? И возможно ли, чтобы ум, который разбил свое собственное функционирование, свое собственное мышление на фрагменты, возможно ли, чтобы такой ум объял всю эту сферу целиком? Возможно ли охватить всю сферу сознания полно, тотально, чтобы в полной мере быть целостным человеком?

Если, пытаясь понять всю структуру <я>, личности во всей ее необычайной сложности, вы пойдете шаг за шагом, снимая слой за слоем, исследуя каждую мысль, чувство и мотив, вы окажетесь в плену аналитического процесса, который может потребовать от вас недель, месяцев, лет, а когда вы включаете время в процесс познания себя, вы неизбежно допускаете различные формы искажения, потому что <я> — это сложная сущность, которая движется, живет, борется, желает, отрицает, испытывает разном рода давления, стрессы, влияния, непрестанно воздействующие на нее. Так вы откроете для себя, что это не путь. Вы поймете, что существует только один способ увидеть себя, — это увидеть целостно, мгновенно, вне времени, и вы можете охватить всю целостность самого себя только тогда, когда ум не фрагментирован. То, что вы видите в целостности — есть истина.

Не можете ли вы проделать это? Для большинства из нас это невозможно, потому что мало кто когда-либо подходил к этой проблеме столь серьезно, потому что мы никогда настоящему не смотрели на самих себя. Никогда! Вы возлагаете вину на других. Мы или оправдываем себя, или боимся смотреть. Но когда вы будете смотреть целостно, всем вашим существом — вашими глазами, вашими ушами, вашими нервами, тогда вы будете воспринимать с полным самоотречением, тогда не останется места для страха, противоречий и, следовательно, не будет конфликтов.

Внимание и сосредоточение — разные вещи; сосредоточение — это исключение; внимание, которое является полным осознанием — ничего не исключает. Мне кажется, что большинство из нас не осознает не только то, о чем мы говорим, но и то, что нас окружает: краски вокруг нас, людей, очертания деревьев, облака, движение воды. Быть может, это происходит оттого, что мы заняты собой: нашими мелкими незначительными проблемами, нашими собственными идеями, удовольствиями, честолюбивыми устремлениями, так что мы не в состоянии воспринимать объективно. И все же мы очень много говорим об осознании. Однажды в Индии я ехал в машине. Машину вел шофер, я сидел рядом с ним. Сзади сидели три господина, очень увлеченно обсуждавшие проблему осознания и задававшие мне в этой связи вопросы. К несчастью, водитель посмотрел в это время куда-то в сторону и наехал на козу. Эти три джентельмена все еще продолжали обсуждать проблему осознания, совершенно не сознавая, что они переехали козу. Когда этим людям, которые стремились к осознанию, указали на отсутствие внимания, они были очень удивлены.

И с большинством из нас происходит то же самое. Мы не осознаем ни внешнего, ни внутреннего. Если вы хотите понять красоту птицы, мухи, листа или человека, вы должны направить на него все ваше внимание. Это и будет осознанием. А направить все свое внимание на что-либо вы можете только тогда, когда вы заинтересованы. Это значит, что когда вы действительно хотите что-либо понять, вы отдаете выяснению этого весь свой ум и сердце.

Такое осознание — это словно жить в комнате со змеей. Вы следите за каждым ее движением, вы очень внимательны к малейшему звуку, который она издает.

Такое состояние внимания есть тотальная энергия. При таком осознании вся целостность вашей сущности раскрывается мгновенно.

Когда вы взглянули в себя так глубоко, вы можете заглянуть еще глубже. Когда вы употребляете слово <глубже> — это не является сравнительной степенью. Мы мыслим в категориях сравнения: глубокий и мелкий, счастливый и несчастливый. Мы всегда измеряем и сравниваем. Но существуют ли такие понятия, как <мелкий> и <глубокий>, сами по себе? Когда я говорю, что мой ум мелок, убог, узок, ограничен, как я узнаю все это? Сравнивая мой ум с вашим умом? Более ярким, обладающим большими возможностями, более высоким и более живым? Могу ли я узнать о своей мелочности, не сравнивая себя с другими? Когда я голоден, я не сравниваю свой теперешний голод со вчерашним. Вчерашний голод — это идея, воспоминание.

Если я все время сравниваю себя с вами, стремлюсь быть таким, как вы, то я отрекаюсь от того, чем являюсь я сам. Таким образом я создаю иллюзию. Когда я понимаю, что сравнение в какой бы то ни было форме ведет лишь к большей иллюзии, к еще большему страданию, когда я понимаю, что самоанализ, прибавляющий к знанию о себе кусочек за

кусочком или отождествляющий себя с чем-то внешним, будь то государство, спаситель или идеология, ведет только к большему подчинению и, следовательно, к большему конфликту, когда я осознаю все это, я полностью избавляюсь от привычки сравнивать. Тогда мой ум уже больше не ищет. Очень важно понять это состояние, когда мой ум уже больше не ищет осязательно, не шарит повсюду, не задает вопросов. Это не значит, что мой ум удовлетворен настоящим положением вещей. Это значит, что такой ум не создает иллюзий. Такой ум может действовать в совершенно ином измерении. Измерение, в котором мы обычно живем, — повседневная жизнь, сотканная из боли, страдания, удовольствия, обусловило наш ум, ограничило его природу, и когда эти боль, удовольствие и страх прекратились (что не означает прекращения радости, ибо радость — нечто отличное от удовольствия), — тогда ум функционирует в другом измерении, где не существует конфликта, где нет ощущения разделенности.

На словесном уровне мы можем достичь только до этого предела. Все, что лежит за ним, не может быть выражено словами, потому что слово — не вещь. До сих пор мы могли описывать, объяснять, но не существует слов или объяснений, которые могли бы открыть дверь. Эта дверь может открыться для нас только благодаря постоянному осознанию и вниманию. Осознанию того, что мы говорим, как мы говорим, как мы ходим, что мы думаем. Это подобно уборке комнаты и содержанию ее в порядке. Содержать комнату в порядке важно в одном отношении, но абсолютно неважно в другом. В комнате должен быть порядок, но порядок не может открыть двери или окно. Дверь не откроет ваше желание или ваша воля. Вы должны признать, что все, что вы можете сделать — это содержать комнату в порядке, а это означает быть добродетельным ради самой добродетели. Не ради того, что она вам даст. Будьте разумными, умеренными, спокойными, тогда, быть может, если вам посчастливится, окно откроется, и подует легкий ветерок, но этого может и не произойти; это зависит от состояния вашего ума, и это состояние ума можете понять только вы сами, наблюдая за ним и никогда не стараясь придавать ему определенную форму, никогда не принимая какую-то одну сторону, никогда не отрицая, никогда не соглашаясь, никогда не оправдывая, никогда не осуждая, что означает наблюдать без какого-либо выбора. Благодаря такому осознанию, в котором нет выбора, быть может откроется дверь, и тогда вы узнаете, что это за измерение, в котором не существует ни конфликта, ни времени.

ГЛАВА IV

Погоня за удовольствием. Желание. Искажение, создаваемое мыслью. Память. Радость.

В предыдущей главе мы говорили, что радость — нечто совершенно отличное от удовольствия, поэтому давайте выясним, что включает в себя удовольствие, и возможно ли жить в мире, в котором нет удовольствия, но есть потрясающая радость, блаженство.

Все мы заняты непрерывной погоней за удовольствием, в той или иной форме: интеллектуальным удовольствием, чувственным наслаждением, культурными развлечениями; удовольствием от того, чтобы проводить реформы, учить других, исправлять недостатки общества, делать добро; удовольствием от большего физического удовлетворения, большего опыта, большего понимания жизни, от всех невинных и хитрых проделок ума; и, наконец, высшим удовольствием, состоящим, разумеется, в том, чтобы познать Бога.

Удовольствие — это своего рода структура общества. С раннего детства и до самой смерти мы так или иначе гонимся за удовольствиями. Поэтому, какой бы вид удовольствия мы не рассматривали, нам необходимо ясно увидеть саму проблему, так как стремление к удовольствию продолжает формировать нашу жизнь. Именно поэтому так важно для каждого из нас внимательно, осторожно и непредвзято исследовать эту проблему удовольствия, так как получать удовольствие, а затем сохранять и поддерживать ощущение его является основным требованием нашей жизни, и без нем существование становится скучным, глупым, одиноким, лишенным смысла.

Вы можете спросить, почему же, в таком случае, жизнь не должна быть стремлением к удовольствию? По той простой причине, что удовольствие неизбежно приносит страдание, разочарование, печаль и страх, а как следствие страха — насилие. Если вы хотите жить такой жизнью — живите так. Большая часть мира живет именно так. Но если вы хотите быть свободными от печали, вы должны понять целостную структуру удовольствия.

Понять удовольствие — не значит отвергнуть его. Мы его не осуждаем, не говорим, что оно хорошо или плохо. Но если мы гонимся за ним, то давайте это делать с открытыми глазами, зная, что ум, ищущий удовольствие, всегда должен находить и его тень — страдание. Они не могут быть разделены, хотя мы гонимся за удовольствием и стараемся избежать страдания.

Так вот, почему ум всегда требует удовольствия? Почему мы совершаем благородные и низкие поступки, испытывая тайное удовольствие? Почему мы приносим жертвы и страдаем ради тонкой нити удовольствия? Что такое удовольствие и как оно возникает? Хотелось бы знать, задавали ли вы себе когда-нибудь эти вопросы и следили ли за ответами до самого конца?

Удовольствие приходит через 4 стадии: восприятие, ощущение, контакт и желание. К примеру, я вижу прекрасную автомашину. Затем, когда я на нее смотрю, у меня возникает ощущение, реакция, затем я прикасаюсь к машине или воображаю, что прикасаюсь, после

чего возникает желание иметь ее и показываться в ней. Или я вижу красивое облако или горы, четко выделяющиеся на фоне неба, или первый весенний листок, или глубокую долину, полную очарования, или великолепный закат солнца, прекрасное лицо, умное, живое, не сознающее своей красоты (иначе ее бы не было). Я смотрю на все это с восторгом и не замечаю тогда, что нет наблюдающего, а есть только красота, равная любви. В это мгновение я отсутствую со всеми моими проблемами, тревогами и страданиями. Есть только это непостижимое чудо. Я могу глядеть на все это с радостью, и в следующий момент забыть об этом. Или же включается ум, и тогда возникает проблема. Я думаю том, что я увидел, и думаю о том, как это прекрасно. Я говорю себе, что хотел бы увидеть это еще много раз. Мысль начинает сравнивать, судить и говорит: <Я должен снова увидеть это завтра>. То, что было восторгом одного мгновения, продлевается и поддерживается мыслью. То же самое происходит с сексуальным и всяким другим желанием. В самом желании нет ничего неправильного, реагировать так — совершенно нормально. Когда вы уколете меня булавкой, яотреагирую на это, если я не парализован, но когда в восторг включается мысль, переживание его, она превращает его в удовольствие. Мысль хочет повторить это переживание. И чем чаще вы его повторяете, тем более механичным оно становится. Чем больше вы думаете об удовольствии, тем большую силу придает ему мысль. Так мысль при помощи желания создает и поддерживает удовольствие, придает ему длительность, и в результате, естественная реакция желания по отношению к чему-то прекрасному извращается мыслью. Мысль превращает эту реакцию в воспоминание, питает это воспоминание, возвращаясь к нему снова и снова. Память бесспорно необходима на определенном уровне. Мы бы не могли действовать в повседневной жизни без нее. В своей сфере она нужна, но существует такое состояние ума, когда память играет очень незначительную роль. Ум, который не искалечен памятью, действительно свободен.

Замечали ли вы когда-нибудь, что, если вы реагировали на что-то целостно, всем сердцем, то память почти не принимала в этом участия? Только когда вы не отвечаете на вызов всем вашим существом, имеет место конфликт, приносящий смятение, удовольствие или страдание, и эта борьба продолжается в воспоминании. К одному воспоминанию добавляются другие, и именно здесь кроется ответ. Все, что исходит от воспоминания, является старым и, следовательно, никогда не может быть независимым. Не существует такого понятия как свобода, независимость мысли. Мысль никогда не бывает новой, потому что она есть ответ памяти, опыта, знания. Мысль, будучи старой, превращает в старое то, на что вы мгновение смотрели с восторгом, ощутив потрясающее переживание. От старого производите вы удовольствие, никогда не от нового. В новом не существует времени.

Итак, если вы можете смотреть на все вещи, не позволяя включаться удовольствию: на лицо, на птицу, на расцветку сари, на красоту водной глади, сверкающей на солнце, на что бы то ни было, вызывающее восторг, — если вы можете смотреть на это, не стремясь к тому, чтобы переживание повторилось, тогда не будет страдания, не будет страха, а будет одна лишь потрясающая радость.

Только стремление навсегда сохранить удовольствие превращает его в страдание. Проследите это в самих себе. Именно стремление повторить удовольствие порождает боль, потому что оно не будет таким же, как вчера. Вы боретесь, чтобы ощутить тот же восторг, и испытываете боль и разочарование, так как это вам не удастся. Наблюдали ли вы, что происходит, если вам отказывают хотя бы в незначительном удовольствии?

Не получив желаемого, вы становитесь встревоженным, завистливым, исполненным ненависти. Замечали ли вы, когда вам отказывали в выпивке, куреве, сексе или в чем бы то ни было, — замечали ли вы, какую борьбу это в вас вызывало? Это является какой-то формой страха, не так ли? Вы боитесь, что не получите желаемое или потеряете то, что имеете. Когда какая-либо определенная вера или идеология, которых вы придерживались годами, вдруг начинает терпеть фиаско, не боитесь ли вы оказаться в одиночестве? Ведь эта вера на протяжении многих лет давала вам удовлетворение и удовольствие, и, когда вы ее утратили, вы оказались на мели, чувствуя себя опустошенным, и этот страх будет одолевать вас до тех пор, пока вы не найдете другой формы удовольствия, другой веры.

Это кажется мне таким простым, и именно потому, что это так просто, мы отказываемся видеть эту простоту. Мы любим все усложнять. Когда ваша жена отворачивается от вас, разве вы не ревнуете? Разве вы не испытываете гнева? Разве вы не ненавидите человека, увлекшего ее? А ведь все это — страх потерять нечто, приносящее удовольствие, приятное общение, определенное состояние уверенности, удовлетворения от обладания.

Если вы поняли, что там, где есть погоня за удовольствием, неизбежно должно быть страдание, и если вы этого хотите, то живите так, но пусть это не будет вашей ошибкой по незнанию. Если вы хотите покончить с удовольствием, что означало бы кончить и со страданием, вы должны отнестись с полным вниманием ко всей структуре удовольствия в целом. Не отсекайте его, как это делают монахи и саньясины, никогда не глядящие на женщину, ибо считают это грехом, и тем самым разрушающие жизненную основу своего понимания, но осознать весь смысл и все значение удовольствия, тогда вы обретете потрясающую радость жизни. О радости вы не можете думать. Радость — нечто непосредственное, возникающее мгновенно, но, думая о радости, вы превращаете ее в удовольствие. Жить настоящим значит непосредственно воспринимать красоту и восторгаться ею без того, чтобы извлекать из этого удовольствие.

ГЛАВА V

Сосредоточение интереса на себе. Жажда положения. Страх и тотальный страх. Фрагментация мышления. Прекращение страха.

Прежде, чем пойти дальше, я хотел бы вас спросить, что является вашим наиважнейшим, основным интересом в жизни? Отбросив в сторону все уклончивые ответы и отнесясь к вопросу прямо и честно, что бы вы могли ответить? Знаете ли вы? Не вы ли это сами? Как бы то ни было, именно так должно было бы ответить большинство из нас, если говорить правду.

Меня интересуют мои успехи, моя работа, моя семья, маленький уголок, в котором я живу, мое желание добиться лучшего положения, большего престижа, власти, чтобы больше возвыситься над другими и т.д. Думаю, что было бы разумно, не так ли, признаться самим себе, что первейший наш интерес заключен прежде всего в нас самих, во мне самом.

Кое-кто из нас сказал бы, что неправильно быть прежде всего заинтересованным в самом себе, но что в этом плохого, кроме том, что мы редко признаемся в этом со всей прямоотой? А если и признаемся, то весьма стыдимся этого. Но дело обстоит именно так. Основной интерес концентрирован на самом себе, и по различным причинам идеологического порядка или в силу традиций человек думает, что это неправильно, но то, что он думает, к делу не относится. Ведь это всего лишь идея, понятие, фактом же остается то, что ваш основной интерес сконцентрирован на себе.

Вы можете сказать, что гораздо более приятно помогать другим, чем думать о себе, но какая разница? Все это все то же сосредоточение интереса на себе. Если вам более приятно помогать другим, ваш интерес опять-таки сконцентрирован на том, что приносит вам наибольшее удовлетворение. К чему подводить под это какую-либо идеологическую основу? К чему это двойственное мышление? Почему бы не сказать: <То, чего я действительно хочу — это удовлетворения, будь то в сексе, в помощи другим или в том, чтобы стать великим святым, ученым или политическим деятелем>? Это все тот же процесс, не так ли? Удовлетворения в самых разных формах, от едва различимого до очевидного, — вот чего мы хотим. Когда мы говорим, что хотим свободы, мы хотим ее и думаем, что она даст огромное удовлетворение. Но предельное удовлетворение должна, разумеется, принести нам идея самореализации. То, чего мы действительно ищем — это полного удовлетворения, в котором нет места для какой бы то ни было неудовлетворенности.

Большинство из нас жаждет удовлетворения, которое дает положение в обществе, потому что мы боимся быть никем. Общество так устроено, что к человеку, занимающему высокое положение, относятся с большим почтением, тогда как человека без положения каждый пинает. Все на свете хотят положения: будь то в обществе, будь то в семье, или же хотят сидеть по правую руку Бога, и это положение должно быть признано другими, иначе оно — не положение вовсе. Мы всегда хотим высоко сидеть. Внутренне мы — водовороты страданий, и потому нам очень приятно, когда внешне мы представляем собой нечто значительное. Эта жажда положения, власти, признания обществом нашего выдающегося положения в том или ином отношении есть желание возвыситься над другими. А это желание возвыситься есть одна из форм агрессивности. Святой, ищущий положения, добивающийся

признания его святости, так же агрессивен, как цыпленок, клюющий корм на птичьей ферме. А что является причиной этой агрессивности? Причиной является страх, не правда ли?

Страх — одна из величайших проблем жизни. Ум, охваченный страхом, живет в смятении, в конфликте, и поэтому он становится извращенным и агрессивным, склонным к насилию. Он не решается отойти от своих собственных шаблонов мышления, и это порождает лицемерие. До тех пор, пока мы не станем свободными от страха, на какую бы высокую гору мы ни взобрались, какого бы бога мы ни выдумали, мы всегда будем пребывать во мраке.

Мы живем в таком развращенном, глупом обществе, нас воспитывают и обучают в духе конкуренции, и это порождает страх, все мы наполнены самыми разными страхами. Страх — ужасная вещь, которая искажает, уродует, отупляет нашу жизнь.

Существует физический страх, но это реакция, которую мы унаследовали от животных. Здесь же для нас важны психологические страхи, ибо когда мы поймем глубоко коренящиеся психологические страхи, с физическими страхами мы в состоянии будем справиться, тогда как устремление внимания в первую очередь на физическое, на животные страхи никогда не поможет нам понять страхи психологические.

Все мы боимся чего-то. Не существует страха абстрактного. Он всегда относится к чему-то определенному. Знаете ли вы свои собственные страхи? Страх потерять работу, страх не иметь достаточно пищи или денег или страх перед тем, что ваши соседи или общество думают о вас, страх лишиться успеха, потерять свое положение в обществе, страх оказаться презируемым, осмеянным, страх перед болью и болезнью, перед властью, страх никогда не узнать любви или не быть любимым, страх потерять жену или детей, страх перед смертью, перед жизнью в мире, подобной смерти, страх, порождаемый скукой, страх, что вы не соответствуете тому образу, который создали о вас другие, страх лишиться доверия, все эти бесчисленные количества других страхов, ведь вы знаете свои личные особые страхи? Как вы обычно поступаете с ними? Вы убегаете от них? Или изобретаете идеи, представления, чтобы прикрыть их? Но бегство от страха только усиливает его.

Одна из главных причин страха — наше нежелание видеть себя такими, как мы есть. Поэтому так же, как сами страхи, мы должны исследовать систему разных придуманных способов бегства, чтобы избавиться от них. Если ум, который обусловлен мозгом, старается преодолеть страх, подавить его, подчинить дисциплине, контролировать, толковать его в терминах чего-то иного, то возникает трение, конфликт, и в этом конфликте мы теряем уйму энергии. Первое, что мы должны выяснить, это что представляет собой страх? Как он возникает? Что мы подразумеваем под самим словом <страх>? Я спрашиваю себя не о том, чего я боюсь, а о том, что такое страх? Я веду определенный образ жизни, я мыслю по определенному образцу, у меня имеются определенные верования, догмы, и я не хочу, чтобы эти шаблоны были нарушены, т.к. в них корни моей жизни. Я не хочу, чтобы они были нарушены, ибо нарушение вызовет состояние неопределенности, а этого мне не хочется. Если я даже и отвернусь от всего, что я знаю и во что верю, я все равно хочу быть определенно сориентированным в том новом порядке вещей, к которому я иду. Так мозговые клетки создали некоторый шаблон и отказываются создать другой шаблон, который может быть неопределенным. Движение от определенности к неопределенности — вот то, что я называю страхом.

В данный момент, сидя здесь, я ничего не боюсь. Я ничего не боюсь, сейчас со мной ничего не может случиться, никто мне не угрожает и не пытается ничего у меня отнять. Но за пределами данного мгновения имеется более глубокий слой ума, который сознательно или подсознательно думает о том, что может произойти в будущем или опасается, не грозит ли ему что-то из прошлого. Таким образом, я боюсь прошлого и будущего. Я разделил время на прошлое и будущее. Включается мысль и говорит: <Будь осторожен, чтобы этого не повторилось, и подготовься к будущему, в будущем могут таиться опасности для тебя; сейчас ты что-то имеешь, но ты можешь это потерять. Ты можешь умереть завтра, твоя жена может от тебя уйти, ты можешь потерять работу, быть может ты никогда не добьешься славы, тебя может постигнуть одиночество, ты должен быть вполне уверенным в завтрашнем дне>.

Теперь возьмите вашу собственную специфическую форму страха. Наблюдайте этот страх, следите за вашими реакциями на него. Можете ли вы смотреть на него без малейшего стремления убежать, без оправдания, без осуждения или подавления? Можете ли вы смотреть на этот страх, не прибегая к слову, которое является его причиной? Можете ли вы смотреть на смерть без этого слова, которое вызывает страх смерти? Само это слово вызывает трепет, не так ли? Как и слово <любовь>, которое обладает своим особым трепетом, имеет свой особый образ? Не является ли образ смерти в вашем уме памятью о столь многих смертях, которые вы видели, к которым вы ощутили себя причастным, не этот ли образ вызывает страх? Или вы действительно боитесь, что вам придет конец, а не самого представления о конце? Вызывает ли у вас страх само слово <смерть> или _ действительный конец вашей жизни? Если страх возникает от слова или от воспоминания, то это вообще не страх.

Вы были больны два года тому назад, скажем для примера, и осталось воспоминание о страданиях, и теперь память говорит: <Будь осторожен, чтобы не заболеть снова>. Так память с ее ассоциациями создает страх. Но это безосновательный страх, потому что в действительности на данный момент у вас очень хорошее здоровье. Мысль, которая всегда стара, потому что она является ответом памяти, а ведь воспоминания всегда стары, мысль, действуя во времени, создает ощущение того, что мы боимся. Но это нечто, вызывающее страх, не является действительным фактом. Действительный факт это то, что вы здоровы, но переживание, которое осталось в уме как воспоминание, возбуждает мысль: <Будь осторожен, не заболей снова>.

Таким образом, мы выяснили, что мысль порождает какой-то вид страха. Но существует ли страх вообще, независимо от какой-либо его разновидности? Является ли страх всегда результатом мысли, и если это так, то существует ли какая-то иная форма страха? Мы боимся смерти, чего-то, что может случиться завтра или послезавтра, через какое-то время. Существует некая дистанция между действительностью и тем, что произойдет. Мысль испытала это состояние. Наблюдая смерть, она говорит: <Я умру>. И создает страх смерти, но если бы этого не происходило, разве существовал бы вообще какой-либо страх?

Является ли страх результатом мысли? Если это так, то, поскольку мысль всегда стара, страх тоже всегда стар. Как мы уже установили, не существует новой мысли. Если мы нечто опознаем, это всегда старое, поэтому то, что мы боимся, есть повторение старого, — мысль о том, что уже было, проецируется в будущее. Следовательно, мысль ответственна за страх. В том, что это так, вы можете убедиться сами. Когда перед вами нечто возникает непосредственно, страха нет. Он возникает только когда включается мысль. Следовательно, сейчас перед нами встает вопрос — возможно ли, чтобы ум жил полно, весь в настоящем? Это возможно только для такого ума, в котором нет страха, но чтобы понять это, вам нужно

понять структуру мысли и времени. Когда вы поймете это не интеллектуально, не на словесном уровне, но действительно всем вашим сердцем, вашим умом, всем вашим нутром, тогда вы будете свободны от страха, тогда ум может пользоваться мыслью без того, чтобы она порождала страх.

Мышление, как и память, бесспорно необходимы в повседневной жизни. Это единственный инструмент, который мы имеем для общения, для выполнения работы и т.д. Мысль — это ответ памяти, памяти, которая накоплена благодаря опыту, знаниям, традиции, времени, и, исходя из этой основы нашей памяти, мы реагируем, а эта реакция есть мышление. Таким образом, мысль необходима на определенных уровнях, но когда она проецирует себя психологически как будущее и прошлое, она порождает страх точно так же, как и удовольствие. Ум становится тупым, и отсюда неизбежно следует его инерция. Поэтому я спрашиваю себя: <Почему, я думаю о прошлом в терминах удовольствия и страдания, зная, что такое мышление порождает страх?> Не может ли мысль психологически остановиться, перестать действовать, ибо иначе страх никогда не прекратится.

Функция мысли заключается в том, чтобы всегда быть занятой чем-либо. Большинство из нас хочет, чтобы наш ум был постоянно занят так, чтобы это не давало нам возможности видеть себя такими, каковы мы есть в действительности. Мы боимся оказаться пустыми, мы боимся глядеть на наши страхи. Трезвым умом вы можете осознать ваши страхи, но способны ли вы осознать их на более глубоких уровнях вашего сознания? Как вам обнаружить тайные, скрытые страхи? Можно ли разделить страх на сознательный и подсознательный? Это очень важный вопрос. Специалисты-психологи и аналитики различают страх, существующий в глубинах и в поверхностных слоях. Но следуя психологам и соглашаясь со мной, вы будете лишь толковать наши теории, наши догмы, наши знания; вы не будете понимать самого себя. Вы не сможете понять себя, исходя из Фрейда, Юнга или меня. Теории других людей, какими бы они ни были, не имеют никакого значения. Лишь самому себе должны вы задать вопрос, можно ли разделить страх на сознательный и подсознательный, или существует один-единственный страх, которому вы приписываете разные формы. Существует лишь одно желание, единственное желание — вы желаете; объекты желания меняются, а желание остается все тем же. Так может быть, подобно этому, существует только один страх? Вы боитесь вещей разного рода, но страх существует только один.

Когда вы ясно поймете, что страх не может быть разделен, вы увидите, что полностью избавились от этой проблемы подсознания и от всего того, что занимает психологов и аналитиков. Когда вы поняли, что страх — это единое движение, которое выражает себя различными путями, и когда вы видите само это движение, а не тот объект, на который оно ориентировано, вы оказываетесь перед лицом труднейшей проблемы — как вам воспринимать это движение без фрагментации, в которой столь изощрен ваш ум?

Существует один целостный страх. Но как может ум, который мыслит фрагментами, охватить эту целостную картину? Возможно ли это? Мы живем, основываясь на фрагментации, и можем смотреть на целостный страх только через фрагментарный процесс мышления. Весь процесс, весь механизм мышления состоит в раздроблении всего на фрагменты — я люблю вас, я ненавижу вас, вы мой враг, вы мой друг, мои специфические черты характера, моя работа, мои наклонности, мое положение, мой престиж, моя жена, мой ребенок, моя страна, мой бог и ваш бог, — все это есть лишь фрагментации мышления. И мышление наблюдает или пытается наблюдать тотальное состояние страха, но сводит его к

фрагментам, поэтому мы видим, что ум может охватить этот тотальный страх только когда отсутствует движение мысли.

Можете ли вы наблюдать страх без какого-либо умозаключения, без вмешательства знания, которое вы накопили о нем? Если не можете, тогда то, что вы наблюдаете, — это прошлое, а если можете, . тогда вы впервые наблюдаете страх без вмешательства прошлого. Вы можете наблюдать только когда ум очень спокоен, подобно тому, как вы можете услышать другого человека только когда ваш ум не болтает, ведя диалог с самим собой о собственных проблемах и тревогах. Можете ли вы таким же образом глядеть на ваш страх, не пытаясь преодолеть его, ударяясь в другую крайность — в храбрость? Можете ли вы действительно смотреть на него, не пытаться от него убежать? Когда вы говорите: <Я должен контролировать его, я должен от него отказаться, я должен понять его>, — вы просто стараетесь спастись от него бегством. Вы можете наблюдать облако, дерево или движение реки при вполне спокойном уме, потому что все это не имеет для вас особого значения, но следить за собой гораздо труднее, так как наша практическая заинтересованность при этом слишком велика, а реакция слишком быстрая. Поэтому, когда вы непосредственно сталкиваетесь со страхом или отчаянием, одиночеством или ревностью или каким-либо иным уродливым состоянием ума, можете ли вы охватить их во всей полноте, чтобы ваш ум мог достаточно спокойно смотреть на них? Может ли ум воспринимать сам страх, а не различные формы страха? Воспринимать тотально, целиком именно сам страх, а не то лишь, чего вы боитесь? Если вы смотрите просто на конкретные формы страха или пытаетесь постепенно одолеть ваши страхи, один за другим, вы никогда не подойдете к центральной проблеме, состоящей в том, чтобы научиться жить со страхом.

Чтобы жить с чем-то таким живым как страх, требуется необычайно тонкий ум и сердце, которые, не будучи связанными окончательным суждением, могли бы следовать за каждым движением страха. Если вы наблюдаете и живете со страхом, то для того, чтобы познать целостную природу страха, вам не понадобится даже одного дня. Достаточно будет минуты или секунды. Если вы ощутите страх так полно, то непосредственно спросите: <Кто та сущность, которая живет со страхом? Кто наблюдает страх, следя за всеми движениями его форм? Кто, в то же время, осознает самую суть страха? Является ли наблюдающий сущностью мертвой, статичной, которая накопила массу знаний и информации о себе, и это ли мертвое нечто наблюдает и живет с движением страха? Является ли наблюдающий прошлым, или он сущность, живущая в данный момент?> Как вы ответите? Не отвечайте мне, ответьте самим себе. Являетесь ли вы, наблюдающий, мертвой сущностью, следящей за живым, или вы сущность живая, следящая за живым? Ибо в наблюдающем представлены оба эти состояния.

Наблюдающий — это цензор, который не хочет испытывать страх. Наблюдающий являет собой всю целостность его переживаний, связанных со страхом. Таким образом, наблюдающий существует отдельно от того, что называют страхом. Между ними имеется некоторый промежуток. Наблюдающий всегда пытается покончить со страхом или убежать от него, и поэтому между ним и страхом идет непрерывная борьба, связанная с такой тратой энергии...

Наблюдая, вы узнаете, что наблюдающий — это лишь пучок идей и воспоминаний, не имеющий не только никакой ценности, но даже субстанции, тогда как страх есть нечто действительное, и ваша попытка понять страх с помощью абстракции ни к чему, разумеется, не может привести. Но разве тот, кто наблюдает и говорит: <Я боюсь>, в действительности

чем-нибудь отличается от объекта наблюдения, который и есть страх? Наблюдающий есть страх. И когда это осознанно, уже не приходится тратить энергию на усилие, необходимое для того, чтобы избавиться от страха, и пространственно-временной интервал между наблюдающим и наблюдаемым исчезает. Когда вы видите, что вы есть часть страха, не существуете отдельно от него, видите, что вы есть страх, — когда вы ничего не можете с ним поделать, тогда страх полностью прекращается.

ГЛАВА VI

Насилие. Гнев. Оправдание и осуждение. Идеал и то, что существует в действительности.

Страх, удовольствие, страдание, мысль и насилие тесно связаны между собой. Многие из нас испытывают удовольствие от применения насилия, от неприязни к кому-то, от ненависти к какой-то расе или группе людей, от вражды с другими. Но при состоянии ума, в котором всякая склонность к насилию полностью прекратилась, существует радость, не имеющая ничего общего с удовольствием, получаемым от насилия, с его противоречием, ненавистью и страхом.

Можем ли мы добраться до самых корней насилия и стать свободными от него? Иначе мы будем жить в постоянной борьбе друг с другом. Если вас устраивает такой образ жизни, а, видимо, большинству людей он нравится, тогда продолжайте так жить; если вы скажете: <Что же мне делать? Очень жаль, но насилие никогда не может быть прекращено>, тогда нам с вами не о чем говорить. Вы себя заблокировали. Но если вы скажете, что считаете возможным другой образ жизни, то это может послужить основой для нашего общения.

Так вот, давайте обсудим с вами вместе, с теми из вас, кто способен к такому общению, возможно ли вообще прекратить все формы насилия в нас самих и все же продолжать жить в этом чудовищно жестоком мире. Я думаю, что это возможно. Я не хочу ни малейшего проявления во мне ненависти, подозрительности, опасений или страха. Я хочу жить в полнейшем покое. Это не значит, что я хочу умереть. Я хочу жить на этой чудесной земле, такой обильной, богатой, прекрасной, хочу смотреть на эти деревья, цветы, реки, луга, на женщин, мальчиков и девочек и, в то же время, жить в полной гармонии с самим собой и с миром. Что же мне делать?

Если мы будем знать как смотреть на насилие — не только на внешнее: на войны, мятежи, на банальный антагонизм, классовые конфликты — но также внутри нас самих, — тогда, быть может, мы окажемся способными стать выше насилия.

Это очень сложная проблема. На протяжении многих столетий человек прибегал к насилию; религии всюду в мире пытались смирить человека, но ни одна из них в этом не преуспела. Так вот, если мы хотим вникнуть в этот вопрос, мы должны, по крайней мере, как мне кажется, отнестись к нему очень серьезно, т.к. он поведет нас в совершенно иную область, но если мы просто хотим поиграть с проблемой ради интеллектуального развлечения, мы далеко не уйдем. Вы можете думать, что очень серьезно относитесь к проблеме, но что до тех пор, пока так много других людей в мире не смотрят на нее серьезно и не собираются в отношении нее что-либо предпринимать — какая польза вам делать что бы то ни было? Но не моя забота, относятся ли другие люди к этой проблеме серьезно или нет. Я сам отношусь к ней серьезно, и этого достаточно. <Я не сторож моему брату>, я сам как человек глубоко чувствую эту проблему насилия, и я вижу, что во мне самом нет склонности к насилию, но я не могу сказать вам или кому-либо другому: не прибегайте к насилию. Это не имеет смысла до тех пор, пока сами вы ощущаете в нем нужду. Поэтому если вы

действительно хотите понять проблему насилия, давайте совместно продолжим путь исследования.

Как нам подойти к этой проблеме насилия? Считаете ли вы, что проблему надо разрешать во внешнем мире, или надо исследовать насилие как таковое, как оно существует в нас самих? Если вы в самом деле не имеете склонности к насилию, то перед вами вопрос: <Как мне жить в мире, полном насилия, стяжательства, зависти, жестокости? Не погибну ли я?> — вот вопрос, который неизбежно возникает. Если вы задаете такой вопрос, то, как мне представляется, вы в действительности не живете в состоянии внутреннего мира. Если же вы пребываете в этом состоянии внутреннего мира, то у вас вообще нет проблем. Вас могут заключить в тюрьму за отказ служить в армии, расстрелять потому, что вы отказались воевать, но это не проблема, если вас расстреляют. Чрезвычайно важно это понять. Мы пытаемся понять насилие не как идею, но как факт, существующий в природе человека, и этим человеком являюсь я сам. Чтобы войти в эту проблему, я должен быть в отношении насилия совершенно незащищенным, открытым, я должен оставить себя незащищенным перед самим собой. Нет необходимости раскрывать себя перед вами, потому что вас это, быть может, не интересует. Я должен находиться в таком состоянии ума, когда есть стремление рассмотреть насилие до самого конца, ни в какой точке не останавливаясь, говоря, что я не хочу идти дальше.

Для меня должно быть вполне очевидным, что я человек, способный на насилие. Я проявлял эту склонность в гневе, в моих сексуальных требованиях, в моей ненависти, когда насилие порождало вражду, в ревности и т.д. Я пережил все это, я осознал все это и я говорю себе: <Я хочу понять эту проблему в целом, а не один лишь ее фрагмент, вроде войны. Я хочу понять эту агрессивность в человеке, которая существует также в животных, частью которой являюсь Я>>.

Насилие — это не только когда убивают кого-то. Сказанное нами резкое слово — тоже насилие. Оно же проявляется, когда мы грубо отстраняем кого-то, когда мы подчиняемся из страха. Итак, насилие — это не просто организованная резня во имя Бога, во имя общества или страны, насилие — это гораздо более тонкая и глубокая вещь, и мы постараемся проникнуть в самые глубины насилия.

Когда вы называете себя индуистом, магометанином, христианином, или европейцем, или еще кем-либо, вы проявляете насилие. Вам понятно, почему это насилие? Потому, что вы отделяете себя от других, от остального человечества. Когда вы отделяете себя верованием, национальностью, традицией — это порождает насилие. Поэтому человек, стремящийся понять насилие, не принадлежит ни к какой стране, ни к какой религии, ни к какой политической партии или системе. Все его мысли заняты только стремлением понять человечество.

Существует только две основных философских позиции в отношении насилия; одна гласит: насилие — прирожденное свойство человека, другая утверждает: насилие — это результат социальной и культурной среды, в которой мы живем. Нас не интересует, какой позиции мы придерживаемся, — это не важно. Важен сам факт, что нам присуще насилие, а не его причина.

Одно из самых обычных проявлений насилия — это гнев. Когда нападают на мою жену или сестру, я говорю, что испытываю справедливый гнев. Когда нападают на мою страну, на

мои идеи, мои принципы, мой образ жизни, я в справедливом гневе. Я гневаюсь также, когда нападают на мои привычки, на мои мелкие убогие мнения. Когда вы больно задеваете меня или оскорбляете, я прихожу в гнев; если вы бежали с моей женой, я испытываю ревность, и эта ревность называется справедливой, потому что моя жена — моя собственность. И обычно все эти формы гнева являются морально оправданными. Убийство ради своей страны также оправдывается. Так что когда мы говорим о гневе, который является частью насилия, то будем ли мы рассматривать гнев в терминах справедливого или несправедливого гнева в соответствии с нашими собственными наклонностями, господствующей внешней традицией, или будем рассматривать гнев как таковой? Существует ли вообще справедливый гнев? Или это только гнев? Не существует ни хорошего, ни дурного влияния, есть только влияние. Но когда вы находитесь под влиянием чего-то, что мне не нравится, я называю это вредным влиянием.

Когда вы защищаете вашу семью, вашу страну, маленький цветной лоскут, именуемый знаменем, верование, идею, догму, вещь, которую требуете или которой владеете, сам факт этой защиты указывает на гнев. Так вот, можете ли вы рассматривать гнев без толкования, оправдания, не говоря: <Я должен защищать мое имущество>, или <я был вправе испытывать гнев>, или <как глупо было гневаться>? Можете ли вы смотреть на гнев как на нечто, существующее само по себе? Можете ли вы смотреть на него совершенно объективно, т.е. не оправдывая и не осуждая его? Можете ли вы смотреть на него именно таким образом?

Могу ли я смотреть на вас независимо от того, испытываю ли я к вам вражду или считаю вас чудесным человеком? Я могу увидеть вас только тогда, когда буду смотреть с определенным вниманием, в котором не будет представлен ни один из этих аспектов отношений. И могу ли я смотреть на гнев таким же образом? А именно, что я не защищаюсь от этой проблемы, не сопротивляюсь ей, что я наблюдаю этот необыкновенный феномен без какой-либо реакции на нет?

Очень трудно смотреть на гнев бесстрастно, ибо он есть часть меня, но именно так я пытаюсь смотреть. Вот я, склонный к насилию человек, безотносительно к тому, черный ли я, коричневый, белый или красный. Для меня неважно, является ли эта склонность унаследованной или возникшей под влиянием общества; для меня важно лишь одно: возможно ли быть свободным от нее. Быть свободным от склонности к насилию — это для меня все. Это для меня важнее, чем секс, пища, положение, ибо эта склонность развращает меня, она губит меня и губит мир, и я хочу понять ее, я хочу быть выше нее. Я чувствую себя ответственным за весь этот гнев и насилие в мире. Я чувствую свою ответственность, и это не только слова. Я говорю себе: <Я смогу что-то сделать, если только окажусь способным возвыситься над гневом, над насилием, над национализмом>. И то чувство, что я должен понять насилие в самом себе, дает потрясающую энергию, страстное желание исследовать.

Но возвыситься над насилием — не значит подавлять его, отбросить его или сказать: <Что ж, — это часть меня, и с этим ничего не поделаешь> или <Я этого не хочу>. Я должен видеть насилие, я должен его изучить, я должен очень тесно с ним соприкоснуться, но такое соприкосновение невозможно, если я его оправдываю или осуждаю. Даже осуждая насилие, самым фактом осуждения мы оправдываем его. Поэтому я говорю: перестаньте пока осуждать или оправдывать его.

Так вот, если вы хотите прекратить насилие, если вы хотите прекратить войны, то как много энергии, как много жизненных сил отдаете вы этому? Неужели для вас не имеет

значения то, что ваших детей убьют, ваших сыновей призовут в армию, с ними будут грубо обращаться и превратят в пушечное мясо? Разве это не вас волнует? Бог мой, если это вас не интересует, что же вас тогда интересует? Копить деньги? Развлекаться? Принимать наркотики? Неужели вы не видите, что это насилие в вас самих губит ваших детей? Или вы воспринимаете это как некую абстракцию?

Если вы заинтересованы, попытайтесь вникнуть в это всем вашим умом, всем сердцем. Не усаживайтесь поудобней, говоря <что же, расскажите мне об этом>. Я повторяю вам, что вы не можете внимательно следить за гневом или насилием, если смотрите глазами осуждения или оправдания. И если это не станет для вас жгучей проблемой, вы не сможете прекратить ни гнев, ни насилие. Итак, прежде всего вы должны учиться. Вы должны учиться смотреть на гнев так, как вы смотрите на вашего мужа или жену, на ваших детей. Вам нужно научиться слушать даже политического деятеля. Вы должны выяснить, почему вы не объективны, почему вы осуждаете или оправдываете; вы должны понять, что вы осуждаете и оправдываете, поскольку само осуждение или оправдание является частью социальной структуры, в которой вы живете, вашей обусловленности как немца или индуса, негра или американца, кем бы вы ни оказались по своему рождению со всей тупостью ума, проистекающей из обусловленности. Чтобы учиться раскрывать нечто фундаментальное, вы должны быть способны проникать глубоко. Если у вас грубое орудие, тупой инструмент, вы не сможете проникнуть глубже. Поэтому сейчас мы хотим сделать более острым наш инструмент, наш ум, который стал тупым от всех этих оправданий и осуждений. Вы сможете вникнуть глубоко, если ваш ум такой же острый, как иглы, такой же крепкий, как алмаз.

Не имеет смысла, развалившись в кресле, спрашивать: <Как мне сделать свой ум таким?> Вы должны хотеть, чтобы он стал таким, так же, как жаждете вы сейчас вашей следующей трапезы, и вы должны понять, что тупым и глупым делает ваш ум чувство неуязвимости, которое оградило вас стеной и которое является частью этого осуждения и оправдания. Когда ваш ум избавится от этого, вы сможете смотреть, изучать, углубляться — и придти. быть может к такому состоянию, когда вы полностью осознаете всю правду.

Итак, давайте вернемся к центральной проблеме — возможно ли искоренить склонность к насилию в нас самих? Если вы говорите <Вы не изменились, почему же?> — это тоже одна из форм насилия. Я так не говорю, я не собираюсь убеждать вас в чем бы то ни было. Эта ваша жизнь не моя, ваш образ жизни — это ваше дело. Я спрашиваю, возможно ли для человека, живущего в любом обществе, полностью внутренне освободиться от склонности к насилию? Если это возможно, сам этот процесс приведет к совершенно иному образу жизни.

Большинство из нас принимает насилие как норму жизни. Две ужасающие войны ничему нас не научили. Они только создавали все больше и больше барьеров между людьми, между вами и мной. Но что делать тем, кто хочет избавиться от насилия? Я не думаю, что можно чего-либо достичь посредством анализа, кто бы его ни проводил — мы сами или профессиональный аналитик. Нам, быть может, удастся себя изменить, жить несколько более спокойно, несколько сильнее ощущать любовь, но это не даст нам целостного восприятия. Однако я все же должен знать, как вести анализ, так как в процессе анализа мой ум становится необычайно острым, и это качество остроты, внимания, серьезности делает восприятие целостным. Человек не в состоянии охватить все одним взглядом. Эта ясность видения возможна только если вначале человек видит все детали, а затем происходит скачок к целостному восприятию.

Некоторые из нас, чтобы избавиться от насилия, прибегают к представлению, к идеалу так называемого ненасилия: мы думаем, что, имея идеал, противоположный насилию, мы избавимся от действительном насилия, но это невозможно. У нас было неисчислимое количество идеалов, ими полны все священные книги, однако же мы все еще склонны к насилию, так почему же нам не взяться за само насилие как таковое, чтобы потом полностью забыть это слово?

Если вы хотите понять нечто действительное, вы должны отдать ему все свое внимание, всю энергию. Эти внимание и энергия рассеиваются, когда вы создаете фиктивный идеальный мир. Можете ли вы полностью изгнать идеал? Человек по-настоящему серьезный, стремящийся выяснить, что есть причина, что есть истина, что есть любовь, вообще не имеет идей, он живет только в том, что есть.

Чтобы исследовать сам факт своего гнева, вы должны отбросить всякое суждение о нем, ибо, как только вам приходит мысль о его противоположности, вы его осуждаете и поэтому не можете видеть таким, каким он является в действительности. Когда вы говорите, что не любите или ненавидите кого-то, это факт, хотя это и звучит ужасно. Если вы глядите на этот факт, полностью проникаясь им, он просто перестает существовать. Если вы говорите: <Я не должен ненавидеть, в моем сердце должна быть любовь>, — то вы живете в мире лицемерия, двойного стандарта поведения. Жить полно, в данном мгновении — значит жить в том, что есть, жить в действительности, без какого бы то ни было чувства осуждения или оправдания, — тогда вы начинаете понимать этот факт так целостно, что ваш гнев перестает существовать. Когда вы ясно видите эту проблему — она решена.

Но можете ли вы видеть ясно факт насилия? Факт насилия не только вовне, но и внутри вас? Это означало бы, что вы полностью свободны от насилия, потому что не прибегали к идеологии, чтобы избавиться от него. Для этого требуется очень глубокая медитация, а не согласие или несогласие на словах.

Вы прочли ряд утверждений, но поняли ли вы их по-настоящему? Ваш обусловленный ум, ваш образ жизни, вся структура общества, в котором вы живете, препятствуют тому, чтобы вы увидели факт и освободились от него мгновенно. Вы говорите: <Я подумаю об этом, я разберусь, возможно ли быть свободным от насилия, или это невозможно. Но я хотел бы, я попытаюсь избавиться от него. Это одно из самых ужасных ваших заявлений: <Я хотел бы, я попытаюсь>. Самое лучшее для вас не пытаться: или делайте, или не делайте. Вы полагаетесь на время, когда дом уже объят пламенем. Дом горит в результате насилия, царящем во всем мире и в вас самих, а вы говорите: <Дайте мне подумать об этом. Какая идеология окажется самой действенной, чтобы погасить огонь?> Когда ваш дом горит, обсуждаете ли вы цвет волос человека, несущего воду?

ГЛАВА VII

Отношения. Конфликты. Общество. Бедность. Наркотики. Зависимость. Сравнение. Желание. Идеалы. Лицемерие.

Прекращение насилия, которое мы только что обсуждали, не означает, что ум находится в таком состоянии, когда он пребывает в мире с самим собой и, следовательно, во всех своих отношениях с другими.

Отношения между людьми основаны на формировании представлений, что является защитным механизмом. Во всех наших отношениях каждый из нас создает образ другого, представление о другом, и отношения существуют не между людьми, а между этими двумя представлениями. У жены есть представление о муже, быть может, она этого и не осознает, но оно имеется, а у мужа есть представление о жене. У человека есть представление о себе самом, о стране, и мы непрерывно усиливаем эти представления, все время что-то к ним добавляя. Именно между этими представлениями и существуют фактические отношения. Действительные отношения между двумя или многими людьми полностью прекращаются, когда происходит формирование представлений, образов. Вполне очевидно, что отношения, основанные на представлениях, никогда не могут внести мир в эти отношения, ибо представления нереальны, а человек не может жить абстрактно. Между тем все мы именно это и делаем. Мы живем в идеях, теориях, символах, представлениях, созданных нами о себе и о других и вовсе не являющихся реальностью. Все наши отношения, по сути своей, основаны на этих формирующих образах, и поэтому они всегда порождают конфликт. Как же тогда для нас возможно пребывать в мире — и в самих себе, и в наших отношениях с другими? В конечном счете жизнь это движение в отношениях, вне жизни их вообще не существует, и если жизнь основана на абстракции, на идее или спекулятивном предположении, то такая абстрактная жизнь неизбежно должна создавать отношения, которые становятся полем битвы. Итак, возможно ли для человека жить спокойной внутренней жизнью без каких-либо форм принуждения, подражания, подавления или сублимирования? Может ли он создать в самом себе такой порядок, который стал бы основным качеством жизни, не зависящим от системы идей, создать внутреннее спокойствие, которое никогда ничем не может быть нарушено, — и не в некоем фантастическом, мистическом, абстрактном мире, а в повседневной жизни, дома и на работе? Я полагаю, что мы должны вникнуть в этот вопрос очень тщательно, ибо в нашем сознании нет ни одной точки, не затронутой конфликтом. Во всех наших отношениях, будь то отношения с самым близким человеком, соседом или с обществом, существует конфликт, конфликт противоречий, расхождений во взглядах, разделенности, двойственности. Наблюдая себя и наши отношения с обществом, мы видим, что на всех уровнях нашего бытия существует конфликт, конфликт больший или меньший, вызывающий поверхностные ответы или ведущий к катастрофическим последствиям.

Человек принимает конфликт как неотъемлемую часть повседневного существования, потому что он примирился с конкуренцией, завистью, жадностью, стяжательством или агрессивностью как с естественным порядком вещей. Принимая такой порядок вещей, мы принимаем структуру общества такой, как она есть, и живем по шаблону респектабельности. Большинство из нас находится в плену этого шаблона, желая быть предельно

респектабельным. Когда мы исследуем наши умы и сердца, наш образ мышления, наши чувства и то, что мы делаем в нашей повседневной жизни, мы убеждаемся, что, пока мы приспособляемся к шаблону жизни, жизнь должна быть полем битвы; если мы не принимаем этого, а ни один истинно религиозный человек не может примириться с таким обществом, то мы полностью свободны от психологической структуры общества.

Большинство из нас многим обогатилось от общества: жадность, зависть, гнев, ненависть, подозрительность, тревожность — все, что общество создало в нас и что мы создали в себе сами, — все это имеется у нас в изобилии. Различные религии во всем мире проповедуют бедность. Монах облачается в монашеское одеяние, меняет свое имя, бреет голову, поселяется в келье, дает обет бедности и воздержания. На Востоке у нем имеется одна лишь набедренная повязка, один плащ, одна трапеза в день, и все мы уважаем такую бедность. Но у этих людей, облачившихся в одеяние бедности, все же внутренне, психологически имеется изобилие мирских вещей, ибо они все еще продолжают добиваться положения и престижа. Они принадлежат к тому или иному монашескому ордену, к той или иной религии. Они все еще живут в разделениях культуры, традиции. Это не бедность. Бедность — это полная свобода от общества. Хотя человек может иметь несколько больше одежды, несколько больше еды, какое это может иметь значение? Но, к несчастью, большинство людей имеет склонность к эксгибиционизму, к самолюбованию и саморекламе.

Бедность становится удивительно прекрасной, когда ум свободен от общества. Человек должен стать бедным (то, что Евангелие называет <нищие духом>), бедным внутренне, ибо, когда нет исканий, нет вопросов, нет желаний, нет ничего — только эта внутренняя бедность может увидеть Истину жизни, в которой совсем нет конфликта. Такая жизнь — это благословение, которое нельзя найти ни в какой церкви, ни в каком храме.

Но как мы можем освободиться от психологической структуры общества? Что означает освободить себя от самой сути конфликта? Не представляет труда надрезать и отломить некоторые ветви конфликта, но мы сейчас спрашиваем себя, можно ли жить в полном внутреннем и, стало быть, внешнем спокойствии? Это не означает, что мы просто должны жить растительной жизнью или пребывать в состоянии застоя. Наоборот, мы станем динамичными, живыми, полными энергии.

Для того, чтобы это понять и освободиться от любых проблем, мы нуждаемся в огромной, пламенной, постоянно текущей энергии, энергии не только физической и умственной, но также энергии, не зависящей от какого-либо мотива, от какого-либо психологического стимула. Если мы зависим от каких-то стимулов, то сами эти стимулы делают наш ум тупым и бесчувственным. Принимая какой-то вид наркотика, мы можем получить энергию, которой достаточно, чтобы в течение некоторого времени очень ясно видеть вещи, но мы возвращаемся к нашему прежнему состоянию и все в большей и большей степени начинаем зависеть от наркотика. Таким образом, всякое стимулирование, получено ли оно от церкви, от алкоголя или от наркотиков, от написанного или сказанного слова, неизбежно создаст зависимость, и эта зависимость помешает нам ясно видеть и понимать, и, следовательно, лишит нас необходимой жизненной энергии.

К сожалению, мы всегда психологически от чего-то зависим. Почему имеется это побуждение — быть в зависимости? Мы с вами предприняли это путешествие совместно, вы не ждете, чтобы я указал вам причины вашей зависимости: если мы проведем наше

исследование совместно, мы сделаем наше открытие вместе. Таким образом, это будет вашим собственным открытием и, будучи вашим, оно даст вам жизненную силу.

Я открываю для себя, что я нахожусь в зависимости от чего-то, скажем, от аудитории, которая будет стимулирующе воздействовать на меня. Я получаю от аудитории, от обращения к большой группе людей, некоторый вид энергии, и поэтому я зависим от этой аудитории, от этих людей, соглашаются ли они со мной или нет. Чем больше они не соглашаются, тем больше жизненной энергии они мне дают. Если они соглашаются, то их согласие становится очень поверхностным, пустым. Так я открываю, что нуждаюсь в аудитории, ибо обращение к людям — это мощный стимулятор. Почему? Почему я зависим? Потому что в самом себе, внутренне, я пуст, поверхностен, во мне нет источника энергии, который всегда полон, обилен, всегда в движении, преисполнен жизненной силы, текущей, живой. Вот почему я зависим. Я установил причину.

Но освободит ли меня это понимание от зависимости? Поскольку установление причины есть акт чисто мысленный, то вполне очевидно, что оно не освободит ум от зависимости. Чисто интеллектуальное восприятие идеи или эмоциональное принятие идеологии не могут освободить ум от зависимости; он все же будет зависеть от чего-то, что будет его стимулировать. Ум освобождается от зависимости, когда он осознает полностью всю структуру и природу стимулирования и зависимости, когда он осознает то, как эта зависимость делает его глупым, тупым, инертным. Лишь целостное сознание этой структуры делает ум свободным.

Поэтому я должен выяснить, что значит сознать целостно. До тех пор, пока я воспринимаю жизнь с определенной точки зрения, смотрю на нее сквозь призму определенного опыта, которым я особенно дорожу, опираюсь на накопленные мною определенные знания, поскольку все это составляет мою объективную основу, мое <я>, до тех пор я не могу видеть целостно. Я установил интеллектуально, на уровне слов, с помощью анализа причину моей зависимости, но все исследования, ведущиеся мыслью, неизбежно являются фрагментарными; поэтому увидеть что-либо целостно я могу только в том случае, если мысль не вмешивается.

Только тогда я вижу факт моей зависимости, я вижу действительно то, что есть. Я смотрю на это без всякого <нравится> и <не нравится>, я не стремлюсь избавиться от этой зависимости, быть свободным от ее причины. Я наблюдаю ее, и когда происходит такое наблюдение, я вижу всю картину в целом, а не отдельные ее фрагменты, а когда ум воспринимает целостную картину — это есть свобода. Теперь я выяснил, что там, где имеется фрагментирование, происходит рассеяние энергии. Я установил подлинный источник растраты энергии.

Вы, быть может, считаете, что не происходит растраты энергии, если вы подражаете, если вы подчиняетесь авторитету священника, ритуала, догмы, партии или какой-либо идеологии, но следование, подчинение идеологии, независимо от том, хороша она или плоха, преисполнена она святости или нет, — есть фрагментарная деятельность и, следовательно, причина конфликта. А конфликт неизбежно будет возникать до тех пор, пока будет разделение на то, что должно быть, и то, что есть, и всякий конфликт есть растрата энергии. Если вы спрашиваете себя: <Как мне освободиться от конфликта?>, вы создаете новую проблему и, следовательно, усиливаете конфликт. В то время как если вы воспринимаете его, как факт, смотрите на него, как вы смотрели бы на какой-то конкретный

объект, ясно, непосредственно, тогда вы поймете самую важную истину — поймете, что существует такая жизнь, в которой вообще нет конфликтов.

Давайте взглянем на это по-другому. Мы всегда сравниваем то, какие мы есть, с тем, какими мы должны быть. То, какими мы должны быть, есть проекция нашей мысли о том, какими нам следовало бы быть. Противоречие возникает и когда мы сравниваем себя не только с кем-то или чем-то, но и с тем, какими мы были вчера. Следовательно, существует конфликт между тем, что должно быть, и тем, что есть. То, что есть, существует только тогда, когда нет сравнения вообще. А жить с тем, что есть, означает пребывать в состоянии спокойствия, мира. Только тогда вы можете отдать все ваше внимание, ни на что не отвлекаясь, тому, что внутри вас, будь то отчаяние, тревога, уродливость, жестокость, одиночество, и жить со всем этим; тогда не существует противоречия и, следовательно, нет конфликта.

Но мы все время себя сравниваем с теми, кто богаче, кто более удачлив, более умен, более любим, более известен, более это и более то. Это <более> играет необычайно важную роль в нашей жизни. Это оценивание нас в сравнении с чем-то или с кем-то является самой первой причиной конфликта.

Но почему вообще происходит сравнение? Почему вы сравниваете себя с другими? Нас учили этому с детства. В каждой школе А сравнивается с В, и А губит себя для того, чтобы быть похожим на В. Когда вы не сравниваете вообще, когда нет идеала, нет противоположного, нет фактора двойственности, когда вы больше не ведете борьбы, чтобы стать иным, чем вы есть, что тогда происходит с вашим умом? Ваш ум перестает создавать противоположное и становится в высшей степени мудрым, в высшей степени сенситивным, способным на огромную страсть, потому что усилие есть расточение страсти, той страсти, которая есть жизненная энергия, а вы ничего не можете совершить без страсти.

Если вы не сравниваете себя с другими, вы будете тем, что вы есть. С помощью сравнения вы надеетесь развиваться, расти, стать более разумным, более красивым. Но вот только станете ли? Фактом является то, что вы есть, и при сравнении происходит фрагментирование факта, что означает пустую трату энергии. Восприятие себя таким, как вы есть, без какого-либо сравнения, дает вам громадную энергию, чтобы видеть. Если вы можете смотреть на себя без сравнения, то вы окажетесь выше сравнения, что не означает, что ваш ум застыл в самодовольстве. Таким образом, мы видим, как ум впустую, в сущности, растрачивает энергию, которая так необходима для понимания целостности жизни.

Я не хочу знать, с кем я в конфликте. Меня не интересуют мои частные периферические конфликты. То, что я хочу знать, — это почему должен существовать конфликт вообще. Когда я задаю себе этот вопрос, я вижу основную проблему, не имеющую ничего общего с периферическими конфликтами и их решением. Обращаясь к центральной проблеме, я вижу (вы, быть может, тоже видите?), что сама природа желания, если она не понята должным образом, неизбежно ведет к конфликту.

Желание всегда противоречиво. Я желаю самых противоречивых вещей, что не означает, что я хочу уничтожить желание, подавить, контролировать или сублимировать его. Я просто вижу, что само желание по сути своей противоречиво. Противоречивы не объекты желания, но сама природа желания как таковая. Я должен понять природу желания, прежде чем смогу понять конфликты. Внутренне мы находимся в состоянии противоречия, и это состояние

противоречия вызвано желанием; желанием, являющимся, как мы уже говорили, погоней за удовольствием и стремлением избежать страдания.

Итак, мы видим, что желание — основа всякого противоречия, желание чего-то или нежелание этого является двойственным. Когда мы делаем нечто приятное, в это совсем не включено усилие, не правда ли? Но удовольствие приносит страдание, и тогда возникает борьба, чтобы избежать страдания. А ведь это снова потеря энергии. Почему у нас вообще существует двойственность? В природе, конечно, имеется двойственность: мужчина и женщина, свет и мрак, ночь и день; но почему в нас существует двойственность внутренняя, психологическая? Прошу вас, продумайте это вместе со мной, прошу вас, не ждите, чтобы я сказал вам ответ. Чтобы выяснить это, вы должны заставить поработать ваш собственный ум. Мои слова лишь зеркало, в котором вы должны наблюдать самих себя. Почему в вас существует эта психологическая двойственность? Не потому ли, что нас с детства всегда учили сравнивать то, что есть, с тем, что должно быть? Мы обусловлены тем, что правильно и неправильно, что хорошо и что плохо, что морально и что неморально. Не возникла ли эта двойственность в связи с тем, что мы верим, будто мышление в понятиях противоположных таким понятиям, как насилие, зависть, ревность, низость, поможет нам от всего этого избавиться? Не используем ли мы противоположное в качестве рычага как средство избавиться от того, что есть? Или это бегство от действительности? Не пользуетесь ли вы противоположным, как средством убежать от действительности, с которой вы не знаете, как быть? Или это происходит от того, что вам на протяжении тысячелетий внушали, что вы должны иметь идеал, противоположный тому, что есть, чтобы справиться с настоящим? Когда у вас имеется идеал, вы думаете, что он поможет вам избавиться от того, что есть, но этого никогда не происходит. Вы можете проповедовать ненасилие до конца своих дней, и все же постоянно сеять семена насилия. У вас есть представление о том, каким вы должны быть, как вы должны действовать, но между тем вы действуете совсем иначе; итак, вы видите, что принципы, верования и идеалы должны неизбежно вести к лицемерию, к нечестной жизни. Именно идеал создает противоположное тому, что есть, и поэтому, когда вы знаете, как поступить в отношении того, что есть, противоположное уже не нужно.

Стремление походить на кого-то другого или соответствовать вашему идеалу — одна из главных причин противоречия, смятения и конфликта. Ум, находящийся в смятении, что бы он ни делал и на каком бы он ни был уровне, будет оставаться в смятении. А всякое действие, рожденное смятением, ведет к дальнейшему смятению. Я вижу это очень ясно. Я вижу это так же ясно, как непосредственную физическую опасность. И что же тогда происходит? Я больше не действую в состоянии смятения. Таким образом бездействие становится целостным действием.

ГЛАВА VIII

Свобода. Мятеж. Одиночество. Чистота ума. Принимать себя такими, как мы есть.

Ни муки подавления, ни жестокая дисциплина приспособления к идеалу еще никого не приводили к истине. Чтобы придти к истине, ум должен быть совершенно свободен, без малейшем искажения.

Сначала давайте спросим себя, действительно ли мы хотим быть свободными? Когда мы говорим о свободе, говорим ли мы о полной свободе или о свободе от чего-то неудобного, неприятного или нежелательного? Нам бы хотелось освободиться от болезненных и неприятных воспоминаний, мучительных переживаний, но сохранить те наши идеологии, формулировки и отношения, которые могли бы дать нам удовольствие, принести удовлетворение. В то же время удержать одно без другого невозможно. Ибо, как мы видели, удовольствие неотделимо от страдания. Поэтому каждый из нас должен решить, хотим ли мы быть полностью свободными. Если мы скажем, что хотим этого, тогда мы должны понять природу и структуру свободы. Является ли свободой, когда вы свободны от чего-либо, от страдания, от какого-то рода тревоги? Или свобода по сути своей нечто совсем иное? Вы можете быть свободными от ревности, скажем, но не является ли эта свобода реакцией, и, следовательно, вовсе не свободой? Вы можете быть свободны от догмы, что довольно легко сделать, проанализировав и отбросив ее прочь, но мотив освобождения от догмы может быть по-разному обоснован, ибо он может быть продиктован желанием освободиться лишь от той догмы, которая перестала быть модной или удобной. Или вы можете желать освободиться от национализма, потому что верите в интернационализм или сознаете, что просто нет смысла продолжать цепляться за эту глупую националистическую догму, с ее знаменами и прочим вздором. Такую догму вы можете легко отбросить прочь. Или вы можете выступать против какого-либо религиозного или политическом лидера, обещавшего вам свободу в результате дисциплины или восстания, но имеет ли такой рационализм, такое логическое умозаключение что-либо общее со свободой?

Если вы говорите, что свободны от чего-то, это просто реакция, которая вызовет лишь другую реакцию, с новым приспособлением и новой формой господства. Таким путем вы можете составить целую цепь реакций, каждое звено которой вы будете принимать за свободу. Но это не свобода, это лишь продлевание видоизмененного прошлого, за которое цепляется ум.

Современная молодежь, как всякая молодежь, находится в состоянии мятежа против общества. Это само по себе хорошее явление. Но мятеж — это не свобода, а реакция, и эта реакция создает собственный шаблон, в плену котором вы оказываетесь. Вы думаете, что это нечто новое, но это не так. Это старое на новый манер. Любой социальный или политический мятеж неизбежно возвратится к доброму старому буржуазному настроению.

Свобода приходит только тогда, когда вы видите и действуете. Она никогда не бывает результатом мятежа. Видение есть действие. И такое действие происходит мгновенно. Когда вы видите опасность, тогда нет никакой умственной деятельности, никакой дискуссии или

колебания. Сама опасность побуждает действовать, и поэтому видеть — значит действовать, быть свободным.

Свобода — это состояние ума. Не свобода от чего-то, но ощущение свободы, свободы сомневаться и ставить вопросы по отношению ко всему, и поэтому в ней столько силы, действенности и энергии, что она сразу отбрасывает все формы зависимости, рабства, приспособления, подчинения. Такая свобода означает бытие в полном одиночестве, наедине с самим собой. Но может ли ум, воспитанный в определенной культуре, настолько зависимый от окружения, своих собственных наклонностей, когда-либо обрести свободу, которая представляет собой совершенное одиночество и в которой нет ни руководства, ни традиции, ни авторитета? Это одиночество есть некоторое внутреннее состояние ума, которое не зависит ни от каких стимулов или знаний и не является результатом опыта или умозаключения. Большинство из нас внутренне никогда не бывают одинокими наедине с самим собой. Мы все знаем, что значит быть изолированным. Когда возводишь стену вокруг себя, чтобы не подвергаться ударам, не быть уязвимым, и когда культивируешь непривязанность, что является другой формой страдания. Или когда живешь в некоторой идеологии, призрачной башне из слоновой кости. Бытие наедине с собой — это нечто другое. Вы никогда не бываете наедине, потому что вы полны воспоминаниями, обусловленностью, вашей болтливой суетой вчерашнего дня. Ваш ум никогда не бывает ясным из-за вздора, который он накопил. Чтобы быть наедине с самим собой, вы должны умереть для прошлого; когда вы один, совершенно один, когда вы не принадлежите ни семье, ни нации, ни культуре, ни определенному континенту, у вас возникает чувство бытия вне всех. Человек, который полностью один, наедине с самим собой, обладает в этом смысле первозданной чистотой, и эта чистота освобождает его ум от печали.

Мы несем в себе груз того, что было сказано тысячами людей, груз воспоминаний обо всех бедах. Отбросить это полностью — значит быть одиноким. А ум, пребывающий в одиночестве, не только чист, но и молод — не с точки зрения времени или возраста, но молодой, ясный, живой в любом возрасте, и только такой ум может видеть то, что есть истина и что не может быть выражено в словах.

В этом одиночестве вы начинаете понимать необходимость жить наедине с самим собой, таким как вы есть, а не таким, каким, по вашему мнению, вы должны быть или являетесь. Видите ли, если вы можете смотреть на себя без какого-либо трепета, фальшивой скромности, без всякого страха, оправдания или осуждения, именно это и значит жить наедине с самим собой, таким, каков вы есть в действительности. Вы начинаете понимать нечто, когда живете с этим в тесном соприкосновении. Но в тот момент, когда появляется привычка к этому, привычка к вашей тревоге, зависимости или к чему-то еще, вы больше с этим не живете. Если вы живете на берегу реки, через несколько дней вы уже больше не слышите журчания воды; если в вашей комнате висит картина, которую вы видите каждый день, то через неделю вы перестаете ее замечать. То же происходит с горами, долинами, деревьями, то же самое — с вашей семьей, вашим мужем, вашей женой. Но чтобы жить с чем-то таким, как ревность, зависть или тревога, вы никогда не должны привыкать к ним, никогда не должны с ними примиряться. Вы должны проявить к ним внимание, как заботились бы о только что посаженном деревце, стараясь уберечь его от солнца и от бури. Вы должны относиться к ним с заботой, не осуждая и не оправдывая, — только так вы начнете любить их. Когда вы на что-то направляете свое внимание, вы начинаете его любить. Это не значит, что вы испытываете любовь к состоянию зависти или тревоги, как это бывает у многих людей. Это, скорее, означает, что вы испытываете любовь к наблюдению за ними. Итак,

можем ли мы, вы и я, жить с тем, чем мы являемся в действительности, зная, что мы тупы, завистливы, полны страха, считаем себя способными на огромную любовь, чего на самом деле нет, легко поддаемся лести и скуке, можем ли мы жить со всем этим, не принимая и не отвергая, просто наблюдая это без того, чтобы впасть в меланхолию, депрессию или эйфорию?

Теперь зададим себе следующий вопрос: может ли эта свобода, это одиночество, это вхождение в контакт со всей целостной структурой нашего общества, может ли все это придти со временем? То есть, может ли эта свобода быть обретена как результат постепенном процесса? Вполне очевидно, что нет, ибо как только вы включаете время, вы поработаете себя все больше и больше. Вы не можете стать свободным постепенно. Это не является делом времени. Следующий вопрос таков. Можете ли вы осознать эту свободу? Если вы говорите: <свободен>, то вы уже не свободны. Это похоже на то, как человек говорит: <счастлив>. В тот момент, когда он говорит: <Я счастлив>, он пребывает в воспоминании о чем-то, что уже прошло. Свобода может придти только естественно и легко, не в результате страстного желания, жажды и стремления к ней. Вы не обретаете ее также, создавая некий образ свободы, какой она, по-вашему, должна быть. Чтобы придти к ней, ум должен научиться воспринимать жизнь, которая есть необъятное движение, не будучи связан временем, потому что свобода пребывает вне поля сознания.

ГЛАВА IX

Время. Скорбь. Смерть.

Я испытываю искушение повторить вам одну историю. Некий достигший высоких ступеней ученик пришел к Богу и потребовал научить его истине. Этот бедный Бог сказал: <Друг мой, сегодня такой жаркий день, пожалуйста, принеси мне стакан воды>. Ученик пошел и постучался в дверь первого попавшегося дома. Дверь открыла очаровательная девушка. Ученик влюбился в нее, они поженились, у них родились дети. И вот однажды пошел дождь, он все шел и шел. Ливневые потоки затопили улицы, и вода стала смывать дома. Ученик схватил жену и, с детьми на плечах, держался на плаву. Когда его стало уносить течением, он взмолился: <Господь мой, прошу тебя, спаси меня>. Бог ответил: <Где стакан воды, о котором я просил?>

Это довольно поучительная история, потому что большинство из нас мыслит в терминах времени. Человек живет во времени. Придумывание будущего было всегда его излюбленным средством спасения.

Мы думаем, что изменения в нас могут произойти с течением времени, что внутренний порядок в нас будет создаваться постепенно, день за днем. Но время не приносит ни порядка, ни мира, поэтому мы должны перестать мыслить в терминах постепенности. Это значит, что не существует для нас того завтра, когда мы обретем мир. Мы должны обрести мир, спокойствие немедленно, в настоящий момент.

Когда существует реальная опасность, время исчезает, не так ли? Действие происходит немедленно. Но мы не видим опасности многих наших проблем, и потому изобретаем время как средство для их преодоления. Время обманчиво, потому что не помогает нам совершить перемену в нас самих. Время — это движение, которое человек разделил на прошлое, настоящее и будущее. И до тех пор, пока он будет разделять время, он всегда будет пребывать в конфликте.

Является ли учение делом времени? Тысячелетия не научили нас, что существует лучший путь, чем ненавидеть и убивать друг друга. Очень важно понять проблему времени, если мы хотим изменить эту жизнь, которая с нашей помощью стала такой чудовищной и бессмысленной.

Первое, что мы должны понять — это то, что мы можем наблюдать время только при наличии той свежести, той ясности ума, о которой мы уже говорили. Мы находимся в смятении из-за возникающих перед нами многочисленных проблем, мы теряемся в этом смятении. Так вот, если человек заблудился в лесу, что он делает прежде всего? Он останавливается, не так ли? Человек останавливается и смотрит вокруг. Но чем больше наше смятение и чем сильнее ощущение, что мы заблудились в жизни, тем больше мы мечемся из стороны в сторону, ищем, вопрошаем, требуем, умоляем. Итак, разрешите вам подсказать — прежде всего вы должны остановиться" полностью остановиться внутренне. И когда вы внутренне, психологически остановитесь, ваш ум станет очень спокойным и ясным. И тогда вы сможете действительно рассмотреть этот вопрос времени.

Проблемы существуют только во времени, т.е. они не возникают, когда мы непрерывно воспринимаем вызов. Когда же мы воспринимаем вызов частично, фрагментарно или пытаемся убежать от него, — другими словами, когда подходим к нему с неполным вниманием, — мы создаем проблему. И эта проблема будет существовать до тех пор, пока мы не отнесемся к ней с полным вниманием, пока мы надеемся разрешить ее как-нибудь потом.

Знаете ли вы, что такое время? Не хронологическое, по часам, но время психологическое? Это интервал между идеей и действием. Идея, как вполне очевидно, служит для самозащиты. Действие — всегда мгновенно. Оно не от прошлого и не от будущего. Чтобы действовать, надо пребывать в настоящем. Действие — так опасно, так неопределенно, что мы опираемся на идею, которая, как мы надеемся, даст нам некоторую уверенность, поможет избежать риска.

Проверьте это на самих себе. У вас есть идея о том, что правильно и что неправильно, или мировоззренческое представление о вас самих, об обществе, и сообразно этой идее вы намерены действовать. Поэтому действие происходит применительно к идее, в стремлении как можно более точно ей следовать, и это неизбежно вызывает конфликт. Существует идея, известный интервал и действие, и этот интервал включает в себя всю сферу времени. Этот интервал, по сути, является мыслью. Если вы думаете, что будете счастливы завтра, значит у вас возникло представление о том, что вы достигнете определенного результата во времени. Через наблюдение, через желание и через продление этого желания мысль подкрепляется следующей мыслью, говоря: <Завтра я буду счастлив, завтра я добьюсь успеха, завтра мир станет прекрасным>. Так мысль создает интервал, который есть время.

Так вот, мы спрашиваем, можем ли мы остановить время? Можем ли мы жить так полно, чтобы не было этого завтра? Ибо время — это печаль. Вчера или на протяжении тысяч вчерашних дней вы любили, или у вас был товарищ, который ушел, и это воспоминание остается, и вы думаете об этой радости и этой печали, смотрите назад, желая, надеясь, горюя. Так мысль, возвращаясь к прошлому, снова и снова рождает то, что мы называем печалью, и создает интервал времени.

До тех пор, пока существует интервал времени, созданный мыслью, должен быть непрекращающийся страх. Поэтому человек задает себе вопрос: <Может ли этот интервал перестать существовать?> Если вы говорите: <Прекратится ли он когда-нибудь?>, то это уже идея, нечто такое, чего вы хотите достичь, а значит появился новый интервал, в котором вы как в ловушке.

Теперь постараемся разобраться в вопросе смерти, которая для большинства людей является огромной проблемой. Вы знаете смерть — она всегда рядом с вами. Можно ли подойти к ней целостно, чтобы вы не создали этой проблемы вообще? Для того, чтобы подойти к ней таким образом, всякая вера, надежда, всякий страх по отношению к ней должны прекратиться. Ибо иначе вы подойдете к этому необычайному явлению с умозаключением, представлением, заранее имеющейся тревогой, и, таким образом, ваш подход будет связан со временем. Время — это интервал, промежуток между наблюдающим и наблюдаемым. Это значит, что наблюдающий, которым являетесь вы, боится встретить то, что называется смертью. Вы не знаете, что это такое. У вас имеются всякого рода надежды, теории относительно нее; вы верите в перевоплощение, или воскресение, или в нечто, именуемое душой, атманом, духовной сущностью, которая пребывает вне времени и которую

вы называете по-разному; но выяснили ли вы для себя вопрос существования души? Или это идея, которую вам внушили? Существует ли что-либо постоянное, продолжающееся за пределами мысли? Если мысль может об этом думать, значит это находится в сфере мышления и, следовательно не может быть постоянным. В сфере мышления нет ничего постоянного. Чрезвычайно важно осознать это, ибо только тогда вы будете свободны видеть, а в этой свободе — великая радость.

Вы не можете испытывать страх перед неизвестным, так как вы не знаете, что оно такое, и, следовательно, нет того, чего вам надо бояться. Смерть — это слово, а слово, образ — это то, что вызывает страх. Итак, можете ли вы смотреть на смерть без образа смерти? Пока существует образ, представление, из которого возникает мысль, эта мысль должна всегда порождать страх. Тогда вы или стараетесь страх смерти побороть рассудком и сопротивляться неизбежному, или придумываете бесчисленные верования, чтобы защитить себя от страха смерти. Таким образом, создается брешь, интервал между вами и тем, чем вы боитесь. В этом пространственно-временном интервале должен существовать конфликт, который есть страх, тревога и жалость к себе. Мысль, порождающая страх смерти, говорит: <Давай отсрочим ее, давай избежим ее, будем держать ее как можно дальше, не будем думать о ней>, — но вы о ней думаете. Когда вы говорите: я не буду о ней думать>, вы уже думаете, как ее избежать. Вы боитесь смерти, потому что хотите ее отсрочить.

Мы отделили жизнь от умирания, и этот интервал между жизнью и умиранием есть страх. Этот интервал, это время создано страхом. Жизнь — это наши каждодневные муки, обиды, печали, смятения со случайными проблесками, когда мы, как в раскрывающееся окно, видим полное красоты море. Вот что мы называем жизнью, и мы боимся умереть, что означало бы прекратить эти страдания. Мы готовы цепляться за известное, чтобы не оказаться лицом к лицу с неизвестным. Известное — это наш дом: наша обстановка, наша семья, наш характер, наша работа, наши знания, наши слова, наше одиночество, наши боги, — все то мелкое, что образует нескончаемый круговорот в самом себе со своим собственным ограниченным шаблоном полного горечи существования.

Мы думаем, что жизнь протекает всегда в настоящем и что смерть — нечто такое, что ожидает нас в отдаленном времени. Но мы никогда не задавали себе вопрос, является ли эта борьба каждодневной жизни жизнью вообще. Мы хотим знать истину о перевоплощении. Мы хотим получить доказательства, что наша душа будет продолжать жить; мы прислушиваемся к утверждению ясновидящей и выводам из психологических исследований, но мы никогда не спрашиваем, как жить, жить с восторгом, очарованием каждый день. Мы примирились с жизнью, какая она есть, со всей ее болью и отчаянием, мы к ней привыкли и думаем о смерти как о чем-то, чего надо стараться избежать. Но смерть — нечто такое же необычайное, как и жизнь, если мы знаем, как жить. Вы не можете жить без умирания. Вы не можете жить, если вы не умираете психологически каждую минуту. Это не интеллектуальный парадокс. Чтобы жить полно, целостно, в каждом дне открывая все новую и новую прелесть, нужно умирать для всего вчерашнего; если этого нет, вы живете механически, а механический ум никогда не сможет узнать, что такое любовь или что такое свобода.

Большинство из нас боится умирания, потому что мы не знаем, что значит жить, мы не знаем, как жить, и поэтому не знаем, как умирать. До тех пор, пока мы испытываем страх перед жизнью, мы будем бояться смерти. Человек, который не боится жизни, не страшится и полной беззащитности, ибо он понимает, что внутренне, психологически никакой защищенности не существует. Когда нет уверенности в безопасности, имеет место

нескончаемое движение, и тогда жизнь и смерть — одно и то же. Человек, живущий без конфликта, живущий в красоте и любви, не боится смерти, так как любить — значит умирать. Если вы умираете для всего, что вы знаете, включая вашу семью, ваши воспоминания, все, что вы чувствовали, тогда смерть — очищающий, обновляющий процесс; тогда смерть приносит чистоту, невинность, и только невинные, чистые люди обладают страстью, а не те, которые верят и хотят выяснить, что же произойдет после смерти. Для того, чтобы действительно выяснить, что произойдет после, когда вы умрете, вы должны умереть. Вы должны умереть не физически, но психологически, внутренне умереть для всего, чем вы дорожите и что вас огорчало. Если вы умрете хотя бы для вашего одного удовольствия, самого малого или самого большого, умрете естественно, без какого-либо усилия или аргументации, вы будете знать, что значит умирать. Умирать — значит иметь ум совершенно пустой от своего собственного содержания, от своих повседневных стремлений, удовольствий и мук. Смерть — это обновление, мутация, в которой мысль совершенно не функционирует, так как мысль есть старое. Когда приходит смерть, возникает нечто совершенно новое. Свобода от известного есть смерть. И только тогда вы живете.

ГЛАВА X

Любовь.

Стремление к полной надежности неизбежно порождает печаль и страх. Эта жажда надежности создает неуверенность. Обрели вы когда-нибудь полную надежность в каких бы то ни было ваших отношениях? Случалось ли это? Большинство из нас жаждет надежности в любви, стремится любить и быть любимым, но есть ли любовь там, где каждый из нас ищет свою собственную надежность, свой особый путь? Нас не любят, потому что мы не знаем, как любить.

Что такое любовь? Слово так избито, так извращено, что мне не хочется им пользоваться. Все говорят о любви, каждый журнал, каждая газета, каждый миссионер без умолку говорят о любви. Я люблю мою страну, люблю моего короля, я люблю какую-то книгу, я люблю эту гору, я люблю удовольствие, я люблю мою жену, я люблю Бога. Является ли любовь идеей? Если это так, то ее можно культивировать, лелеять, всюду рекламировать, исказить каким угодно способом. Когда вы говорите, что любите Бога, что это означает? Это означает, что вы любите проекцию вашего собственного воображения или проекцию вас самих, облаченную в известные формы респектабельности в соответствии с тем, что вы считаете благородным и священным; таким образом, говорить: я люблю Бога — это полнейший абсурд. Когда вы поклоняетесь Богу, вы поклоняетесь самим себе, а это не является любовью.

Поскольку вы не в состоянии разрешить это явление человеческой жизни, именуемое Любовью, мы уходим в абстракцию. Любовь может быть окончательным разрешением всех человеческих трудностей, проблем и забот. Но как нам выяснить, что такое любовь, просто давая ей определения? Церковь определяет ее одним образом, общество другим, и существуют все виды отклонений и извращений: обожание кого-то, физические отношения с кем-то, отношения эмоциональные, отношения товарищеские — не это ли мы разумеем под любовью? Это стало нормой, шаблоном, стало таким ужасающе личным, чувственным, ограниченным, что религии заявили: <Любовь — это гораздо большее>. В том, что называется человеческой любовью, они видят наслаждение, соперничество, ревность, желание обладать, удерживать, контролировать, вмешиваться в мышление другого, и, сознавая сложность всем этого, они говорят, что должна существовать другая любовь: божественная, возвышенная, нетленная.

Повсюду в мире так называемые святые люди утверждали, что смотреть на женщин — это что-то абсолютно дурное, они говорят, что нельзя приблизиться к Богу, если вы потакаете сексу. Поэтому они отвергают его, хотя сами испытывают сильное искушение, но, отрицая секс, они лишают себя глаз и языка, потому что отвергают всю красоту земли. Они истощают свои сердца и умы, иссушают свои тела; они изгоняют красоту, потому что красота связана с женщиной.

Может ли любовь быть разделена на святую и мирскую, человеческую и божественную, или существует только одна любовь? Есть ли разница между любовью к одному и ко многим? Если я говорю: <Я люблю тебя>, исключает ли это любовь к другим? Это любовь личная или безличная? Является ли любовь личной или безличной, моральной или аморальной, к семье или не к семье? Если вы любите все человечество, можете ли вы любить

отдельного человека? Является ли любовь чувством? Является ли она эмоцией? Является ли любовь наслаждением или желанием? Все эти вопросы показывают, что у вас имеются идеи о любви или о том, какой она должна или не должна быть, определенный шаблон или код, выработанный культурой, в которой мы живем.

Следовательно, чтобы углубиться в вопрос, что такое любовь, мы сначала должны освободить ее от вековых наслоений, отбросить все идеалы и идеологии, представления о том, чем она должна или не должна быть. Разделять что бы то ни было на то, что должно быть, и то, что есть, — это путь наибольшего заблуждения, когда мы имеем дело с жизнью.

Как мне выяснить, что представляет собой это пламя, которое мы называем любовью? Не как выразить это другому, но выяснить, что значит оно само по себе? Сначала я отброшу все, что сказали об этом церковь, общество, мои родители, друзья, любой человек, любая книга, потому что я сам хочу выяснить для себя, что оно значит. Это громадная проблема, которая охватывает все человечество; существует тысяча путей ее определения. Я сам нахожусь в плену того или иного шаблона в зависимости от того, что мне нравится или радует меня в данную минуту, — так не следует ли мне, чтобы понять это, прежде всего освободиться самому от моих личных склонностей и предубеждений? Я нахожусь в смятении, меня тянут в разные стороны мои собственные желания, и поэтому я говорю себе: <Сначала разберись в своем собственном смятении, быть может, ты раскроешь, что такое любовь, выяснив, чем она не является>. Правительство говорит: <Иди убивай ради любви к своей стране>, разве это любовь? Религия говорит: <Откажись от секса ради любви к Богу>, но разве это любовь? Является ли любовь желанием? Не говорите нет, для большинства из нас любовь — это желание с наслаждением чувственного порядка, в основе которого сексуальная привязанность и удовлетворение. Я не противник секса, но посмотрите, что он в себя включает. Секс дает вам на мгновение полное забвение себя, а затем вы снова возвращаетесь к вашему смятению, и поэтому вы испытываете необходимость повторения, хотите снова и снова вернуть это состояние, в котором нет терзаний, нет проблем, нет себя. Вы говорите, что любите вашу жену. Эта любовь включает сексуальное наслаждение, вам также приятно, что в доме есть кто-то, кто заботится о ваших детях, готовит вам еду. Вы зависите от нее, она отдала вам свое тепло, свои чувства, она поддерживает вас, создает определенное ощущение надежности, благополучия. Но вот она отворачивается от вас, вы ей надоели, или она уходит к другому, и все ваше эмоциональное равновесие нарушено, и это нарушение, которое вам неприятно, называется ревностью. Здесь присутствует боль, тревога, ненависть и неистовство; вы говорите: <Пока ты принадлежишь мне, я тебя люблю, но как только ты отворачиваешься, я начинаю тебя ненавидеть. Пока я могу быть уверен, что ты будешь удовлетворять меня, мои требования — сексуальные и другие, — я тебя люблю, но как только ты перестаешь удовлетворять мои желания, я перестаю тебя любить>. Итак, между вами возникает вражда, вы расходитесь, и когда вы не вместе, любви нет. Но если вы можете жить с вашей женой без того, чтобы мысль создавала все эти противоречивые состояния, без этих нескончаемых раздоров, тогда, возможно, — возможно, — вы узнаете, что такое любовь. Тогда вы будете полностью свободны, и она также. В то же время, если вы зависите от нее во всех ваших удовольствиях, вы ее раб. Поэтому, когда любишь, должна быть свобода не только от другого, но также от самого себя.

Когда принадлежишь другому, когда другой психологически тебя поддерживает, когда зависишь от другого, это неизбежно приносит тревогу, страх, ревность, чувство вины, а пока существует страх, любви нет; ум, угнетаемый страданием, никогда не узнает, что такое

любовь. Сентиментальность и эмоциональность не имеют ничем общего с любовью. Итак, любовь не имеет ничего общего с наслаждением и желанием.

Любовь — не продукт мысли, которая есть прошлое. Мысль не способна культивировать любовь. Любовь нельзя связать, ее нельзя удержать ревностью, потому что ревность — это прошлое. Любовь — всегда активное настоящее. Это не <я полюблю>, или <я полюбил>. Если вы познали любовь, вы ни за кем не будете следовать. Любовь не подчиняется. Когда вы любите, нет таких категорий, как уважение или неуважение.

Знаете ли вы, что значит любить кого-то, любить без ненависти, без ревности, без раздражения, без желания вмешиваться в то, что другой делает или думает, без осуждения, без сравнения, знаете ли вы, что это значит? Когда есть любовь, можем ли мы сравнивать? Если вы любите кого-то всем вашим сердцем, всем умом, всем телом, всем вашим существом, будете ли вы сравнивать? Когда вы полностью отдаете себя этой любви, ничего другого не существует.

Включает ли в себя любовь ответственность и долг, нуждается ли она вообще в этих словах? Когда человек нарушает долг, есть ли тогда любовь? В долге любви нет. Структура долга, в плену которой человек находится, губит его. Пока вы вынуждены делать что-то, потому что так велит вам долг, вы не любите то, что вы делаете. Когда есть любовь, нет ни долга, ни ответственности.

К сожалению, большинство родителей считает, что они несут ответственность за своих детей, и чувство ответственности заставляет их говорить детям, что им следует и чего не следует делать, кем они должны и не должны быть. Родители хотят, чтобы у детей было прочное положение в обществе. То, что они называют ответственностью, является частью респектабельности, которой они поклоняются. А мне представляется, что там, где есть респектабельность, нет порядка. Они стремятся лишь к тому, чтобы стать истинными буржуа; готовя своих детей войти в нынешнее общество, приспособиться к нему, они тем самым содействуют тому, что в обществе не прекращается война, конфликт и жестокость. Назовете ли вы это заботой и любовью? Действительно заботиться — это заботиться так, как вы заботились бы о деревце или о растении, поливая их, изучая, что им требуется, какая почва для них самая лучшая, ухаживая за ними с добротой и нежностью, но когда вы стараетесь приспособить своих детей к обществу, вы готовите их к тому, чтобы они были убиты. Если бы вы любили своих детей, у вас не было бы войн.

Когда вы теряете кого-то, кого вы любите, относятся ли ваши слезы к вам самим или к тому, кто умер? Плачете ли вы о себе или о другом? Плакали ли вы когда-нибудь о другом? Плакали ли вы о вашем сыне, которого убили на войне? Если плакали, то плакали из жалости к себе или потому, что был убит человек? Если вы плачете из жалости к себе, ваши слезы не имеют никакого значения, ибо вы озабочены только собой. Если вы плачете о брате, который умирает, плачьте о нем. Очень легко плакать о себе из-за того, что он умер. Видимо, вы плачете оттого, что тронута ваше сердце, но это происходит не из-за него. Ваше волнение происходит из жалости к себе, а жалость к себе делает вас жестоким, замыкает в себе, делает вас тупым и глупым.

Если вы плачете о себе, плачете от того, что одиноки, покинуты, утратили ощущение власти, жалуется на свою судьбу, на окружающие условия, если слезы о вас, то любовь ли это? Если вы это поймете, что означает прикоснуться ко всему этому непосредственно, как

вы прикасались бы к дереву, к столбу или руке, тогда вы увидите, что эта печаль создана вами, создана мыслью, что печаль — производная времени. У меня был брат три года тому назад, теперь он умер, теперь я одинок, страдаю, нет того, у кого я мог бы найти утешение и дружеское сочувствие, и это вызывает слезы в моих глазах.

Вы можете увидеть это в самих себе, если вы будете наблюдать, вы сможете это увидеть полностью, целиком, единым взглядом, не включая сюда время на анализ; вы можете мгновенно увидеть всю структуру и природу убогого мелкого нечто, называемого <я>. Мои слезы, моя семья, моя вера, моя нация, моя религия — все то уродливое, что есть внутри вас, когда вы увидите все это вашим сердцем, а не умом, когда увидите всей глубиной вашего сердца, тогда у вас будет ключ к тому, чтобы положить конец печали.

Печаль и любовь не могут идти вместе. Христианский мир идеализировал страдание, поместил его на кресте и поклоняется ему, выражая этим, что вы никогда не сможете спастись от страдания иначе, чем через одну определенную дверь. Такова вся структура общества, основанного на эксплуатации религиозных чувств.

Таким образом, когда вы спрашиваете, что такое любовь, весьма возможно, что вы боитесь получить ответ. Он может произвести в вас полный переворот, он может разрушить вашу семью, вы можете обнаружить, что не любите свою жену, мужа или детей. Любите ли вы их? Вам, может быть, придется в щепки разрушить дом, который вы построили, и может случиться, что вы никогда уже больше не войдете в храм.

Но если все же вы хотите это выяснить, вы увидите, что страх — это не любовь, зависимость — не любовь, ревность — не любовь, обладание, господство — не любовь, ответственность и долг — не любовь, жалость к себе — не любовь, отчаяние от того, что вас не любят, — не любовь. Любовь не есть противоположность ненависти, так же как скромность не есть противоположность тщеславию. Итак, если вы можете устранить все это, не прибегая к усилию, не смыв все это, как дождь смывает с листьев пыль многих дней, тогда, быть может, случайно вам встретится этот необыкновенный цветок, которого всегда искал человек.

Если вы не обрели любовь, причем не малыми каплями, а во всем ее изобилии, если вы не полны ею, то миру грозит гибель. Умом вы знаете, что единение человечества жизненно важно и что любовь — единственный путь к этому, но кто научит вас любить? Сможет ли какой-либо авторитет, какой-либо метод, какая-либо система сказать вам, как любить? Если кто-то вам скажет, то это не будет любовью. Можете ли вы сказать: <Я буду практиковать любовь. Я буду сидеть день за днем и думать о любви. Я буду практиковать доброту и кротость и заставлю себя быть внимательным к другим?> Что вы имеете в виду, когда говорите, что будете дисциплинировать себя, тренировать волю, чтобы любить? Когда вы применяете дисциплину и волю, чтобы любить, любовь улетучивается в окно. Практикуя какой-либо метод или систему для того, чтобы любить, вы можете стать чрезвычайно умным, более добрым, прийти к состоянию ненасилия, но все это не имеет ничего общего с любовью.

В этом превращенном в пустыню мире нет любви, потому что первостепенную роль в нем играет удовольствие и желание. Однако без любви ваша повседневная жизнь не имеет значения, и не может быть любви, если нет красоты. Красота не есть что-то, что вы можете наблюдать. Это не прекрасное дерево, прекрасная картина, прекрасное здание или прекрасная женщина. Красота существует только тогда, когда ваше сердце и ум узнают, что такое

любовь. Без любви и чувства красоты не существует добродетели, и вы отлично знаете — что бы вы ни предпринимали, улучшая общество, обеспечивая пищей бедных, вы создадите только еще большее зло, так как без любви ваше сердце и ум уродливы и убоги. Но когда есть любовь и красота, все, что бы вы ни делали, — правильно, все, что бы вы ни делали, есть порядок. Если вы знаете как любить, то можете делать все, что хотите, потому что любовь разрешит все проблемы.

Итак, мы подошли к главному пункту: может ли ум придти к любви без дисциплины, без мысли, без принуждения, без какой бы то ни было книги, без какого бы то ни было учителя или руководителя — придти к ней, как он приходит к прекрасному закату солнца?

Мне кажется, для этого абсолютно необходима одна вещь — страсть, страсть без мотива, страсть, не являющаяся результатом какого-либо обязательства или привязанности, не являющаяся вожделением. Человек, не знающий страсти, никогда не познает любви, так как любовь может прийти только когда существует абсолютное самозабвение. Ум, который ищет, не является страстным умом, а единственный путь обрести любовь — это прийти к ней без искания, прийти к ней ненамеренно и не в результате какого-либо усилия или опыта. Та любовь, которую вы обретете, — не от времени. Она одновременно вечная и безличная, она одновременно к одному и ко многим. Она как цветок, аромат которого вы можете вдыхать, но можете и не заметить, пройти мимо. Этот цветок существует для всех, и также для того, кто возьмет на себя труд глубоко вдохнуть этот аромат и ощутить его с восторгом. Для цветка не имеет значения, находится ли человек близко в саду или он очень далеко. Цветок полон аромата, и потому изливает его на всех.

Любовь — это нечто новое, свежее, живое. У нее нет вчерашнего и нет завтрашнего дня, она выше суеты мыслей. Лишь чистый ум знает, что такое любовь. И этот чистый ум может жить в мире, который не является чистым. Найти это удивительное нечто, которое человек в своих бесчисленных усилиях стремился приобрести через жертву, через поклонение, через отношение, через секс, через все формы удовольствия и страдания, возможно только когда мысль пришла к пониманию самой себя и, естественно, пришла к концу. Тогда любовь не имеет противоположности, тогда в ней нет конфликта.

Вы можете спросить: <если я обрету такую любовь, что произойдет с моей женой, с моими детьми, с моей семьей? Ведь им необходима надежность>. Если вы задаете такой вопрос, значит вы никогда не выходили за пределы поля мысли, поля сознания. Если, хоть однажды вы окажетесь за пределами этой сферы, вы уже никогда не зададите такого вопроса, потому что будете знать, что такое любовь, в которой нет мыслей и которая, следовательно, не измеряется временем. Прочитав это, вы можете почувствовать себя как бы загипнотизированными и очарованными и в действительности оказаться за пределами мысли и времени, — а, следовательно, и за пределами страдания, — что значит осознать, что существует иное измерение, именуемое любовью.

Но вы не знаете, как прийти к этому необычайному источнику, Что же вам делать? Если вы не знаете, что вам делать, вы не делаете ничего, не так ли? Абсолютно ничего. Тогда внутренне вы совершенно умолкаете. Понимаете ли вы, что это значит? Это значит, что вы не ищете, не желаете, не стремитесь, что нет никакого центра. Тогда существует любовь.

ГЛАВА XI

Видеть и слышать. Искусство. Красота Аскетизм. Представление. Проблемы. Пространство.

Мы исследовали природу любви и достигли, как мне кажется, пункта, когда от нас требуется гораздо глубже вникнуть и осознать проблему. Мы выяснили, что для большинства людей любовь — это поддержка, надежность, положение и гарантия чувственного удовлетворения до конца жизни. Тут приходит кто-то вроде меня и высказывает сомнения: <А является ли это действительно любовью?>, и задает вам вопросы, и предлагает вам взглядеться в самих себя. Но вы стараетесь не вглядываться, ибо это причиняет большое беспокойство. Вы, скорее, предпочитаете вести дискуссии о душе, о политическом или экономическом положении, но тогда, загнав в угол, он вынуждает вас взглядеться. Вы ясно видите, что то, что вы всегда считали любовью, — это не любовь, это взаимное удовлетворение, взаимная эксплуатация.

Когда я говорю, что любовь не имеет ни завтра, ни вчера, что любовь существует, когда нет центра, то это является реальностью для меня, но не для вас. Вы можете цитировать это или обратить в ту или иную формулировку, но это не представляет никакой ценности. Вы должны понять это для самих себя, но для этого нужно обладать свободой смотреть без всякого осуждения, без всякого оправдания, без всякого согласия или несогласия.

Но смотреть — это одна из наиболее трудных вещей в жизни, так же, как слушать. Смотреть и слушать — это одно и то же. Если ваши глаза слепы от ваших невзгод, вы не можете видеть красоту солнечного заката. Большинство из вас утратило связь с природой. Цивилизация вызывает тенденцию все большего и большего роста городов. Мы становимся все более и более городскими людьми, живущими в перенаселенных квартирах и имеющими очень мало пространства даже для того, чтобы видеть небо вечером и утром, и поэтому мы утрачиваем связь с природой, с большей частью ее красоты. Я не знаю, заметили ли вы, сколь немногие из нас видят солнечный восход или закат, лунный свет или его отражение в воде. Утратив связь с природой, мы, естественно, стараемся развивать интеллектуальные способности. Мы читаем великое множество книг, посещаем великое множество музеев и концертов, смотрим телевизионные передачи и располагаем многими другими развлечениями. Мы бесконечно цитируем идеи других людей, много думаем и говорим об искусстве. Почему же так получается, что мы настолько зависим от искусства? Не является ли оно формой бегства, стимулирования? Если вы пребываете в непосредственном контакте с природой, если вы следите за полетом птицы, за взмахами ее крыльев, видите красоту каждого движения облаков, теней на холмах или красоту чьего-то лица, как вы считаете, захотите ли вы идти в какой-то музей смотреть какую-то картину? Быть может, именно потому, что вы не знаете, как смотреть на все, что вас окружает, вы прибегаете к какому-то виду наркотика, который стимулировал бы вас видеть лучше. Есть рассказ об одном религиозном учителе, который каждое утро беседовал со своими учениками. Как-то утром, когда он вошел и приготовился начать, прилетела маленькая птичка, уселась на подоконнике и стала петь. Она пела всем сердцем. Затем она улетела. Тогда учитель сказал: <На этом сегодняшнее занятие закончено>.

Мне кажется, что одна из самых больших наших трудностей состоит в том, чтобы ясно видеть не только внешние вещи, но и внутреннюю жизнь. Когда мы говорим, что видим дерево, цветок или человека, действительно ли мы их видим? Или мы просто видим образ, созданный словом? То есть когда вы смотрите на дерево или вечернее облако, полное света, и восхищаетесь, то действительно ли вы их видите, не только глазами и умом, но целостно, всем вашим существом? Исследовали ли вы когда-нибудь, что означает смотреть на какой-то реальный предмет, например на дерево, без каких-либо ассоциаций, без знаний, которые вы о нем накопили, без каких-либо предвзятых мнений и суждений, без каких-либо слов, создающих экран между вами и деревом, мешающих его видеть таким, каким оно есть в действительности. Попробуйте сделать это и увидеть, что собственно происходит. Когда вы наблюдаете дерево всем вашим существом, всей вашей энергией. При такой энергии вы обнаружите, что вообще нет того, кто наблюдает, есть только внимание. Только когда мы невнимательны, существует наблюдающий и наблюдаемое. Когда вы смотрите на что-то с полным вниманием, нет места для идей, формулировки и воспоминаний. Очень важно это понять, так как мы собираемся вникнуть в нечто, требующее весьма тщательного исследования. Только ум, который смотрит на дерево, на звезды, на сверкающие воды реки с полным самозабвением, знает, что такое красота. И когда мы действительно видим, мы пребываем в состоянии любви. Обычно мы воспринимаем красоту через сравнение, или через предмет, созданный руками человека, то есть мы приписываем красоту какому-либо предмету. Я вижу нечто, что я считаю прекрасным творением, и эту красоту я оцениваю, исходя из моих познаний в архитектуре и сравнения с другими зданиями, которые я видел. Но сейчас я задаю себе вопрос, существует ли красота без объекта? Когда есть наблюдающий, цензор, переживающий, мыслящий, тогда нет красоты, потому что в данном случае красота есть нечто внешнее, на что наблюдающий смотрит и что он оценивает. Когда наблюдающего нет, а это требует глубокой медитации, исследования, тогда пребывает красота без объекта.

Красота пребывает при полном отсутствии наблюдающего и наблюдаемого, и такое самозабвение возможно только когда существует полный аскетизм — не аскетизм священника с его жестокостью, санкциями и послушанием, не аскетизм в одежде, идеях, пище и поведении, но аскетизм абсолютной простоты, которая есть полное смирение. Тогда нет достижений, нет лестницы, чтобы по ней карабкаться, а есть лишь первый шаг, и это вечно первый шаг. Предположим, что вы гуляете один или с кем-то, и ваша беседа прекратилась. Вас окружает природа, и не слышно ни лая собаки, ни шума проезжающей машины, ни даже полета птицы. Вы полностью затихли, и природа вокруг вас также совершенно безмолвна. В этом состоянии, когда наблюдающий не переводит то, что видит, в мысль, в этом безмолвии существует красота совершенно особого свойства. Нет ни природы, ни наблюдающего. Есть состояние полного совершенного ума; он уединен, но не изолирован, погружен в тишину, и эта тишина есть красота. Когда вы любите, есть ли наблюдающий? Наблюдающий существует только когда любовь есть желание и наслаждение. Когда желание и наслаждение не ассоциируются с любовью, тогда любовь обретает свою подлинную силу. Любовь, как и красота, — каждый день нечто совершенно новое. И, как я уже сказал, она не имеет ни вчера, ни завтра.

Только когда мы смотрим без каких-либо предвзятых идей и представлений, мы способны быть в непосредственном контакте с любым явлением жизни. Все наши отношения фактически являются воображаемыми. Они основаны на соображениях, созданных мыслью. Если у меня имеется представление о вас, а у вас обо мне, мы, естественно, не видим друг

друга такими, каковы мы в действительности. То, что мы видим, — это представление, которое мы создали друг о друге, которое мешает нам быть в контакте, и поэтому наши отношения развиваются неправильно.

Когда я говорю, что знаю вас, — это значит, что я знал вас вчера, а фактически сейчас я вас не знаю. Все, что я знаю, — это мое представление о вас. Это представление составлено из того, что вы сказали мне как похвалу или оскорбление, что вы дали мне. Оно — результат всех моих воспоминаний о вас, а ваше представление обо мне составлено таким же образом, и взаимодействие этих представлений препятствует нашему подлинному общению друг с другом.

Два человека, долго живущие вместе, имеют представления друг о друге, которые препятствуют их истинному общению. Если мы понимаем отношения, то мы можем действовать совместно, но нельзя взаимодействовать сквозь призму символов или идеологических понятий. Только когда мы понимаем истинные отношения между нами, существует возможность любви, но между представлениями любви быть не может. Поэтому важно понять не интеллектуально, но фактически, в вашей повседневной жизни, как вы создали представление о вашей жене, о вашем муже, вашем ребенке, вашем соседе, вашей стране, ваших лидерах, политических деятелях, ваших богах. Вы не имеете ничего, кроме представлений.

Эти представления создают пространство между вами и тем, что вы наблюдаете, и в этом пространстве существует конфликт. Поэтому сейчас мы попытаемся выяснить, возможно ли быть свободным от этого создаваемого нами пространства не только вне нас, но и в нас самих, пространства, которое разделяет людей во всех их отношениях.

Так вот, именно внимание, с которым вы относитесь к проблеме, является энергией, разрешающей эту проблему. Когда вы отдаете все ваше внимание целиком, — я имею в виду внимание всего вашего существа, — то наблюдающего нет вообще, есть только состояние внимания, которое является тотальной энергией, и эта энергия есть высочайшая форма разума. Разумеется, такое состояние ума должно быть безмолвием, и это безмолвие, эта тишина приходят когда есть полное внимание. Это не тишина, достигнутая посредством дисциплины. Такое абсолютное безмолвие, в котором нет ни наблюдающего, ни объекта наблюдения, является высочайшей формой религиозного ума, но то, что происходит в этом состоянии, не может быть выражено словами, потому что слова — это не факт, о котором они говорят. Чтобы вы могли это выяснить, вам нужно самим это пережить.

Каждая проблема связана с другой проблемой, так что если вы сможете разрешить одну проблему полностью, не имеет значения какую, вы увидите, что в состоянии легко справиться с остальными и разрешить их. Мы говорим, конечно, о психологических проблемах. Мы уже установили, что проблема существует только во времени. Так происходит, когда мы не подходим к проблеме целостно, следовательно, мы должны не только осознать структуру и природу проблемы и видеть ее во всей полноте, но мы должны также встретить ее, когда она возникает, и разрешить немедленно, так, чтобы она не успела пустить корни в уме. Если человек позволяет проблеме длиться в течение месяца, дня или даже нескольких минут — это искажает ум. Итак, возможно ли подойти к проблеме без промедления, без какого-либо искажения, и немедленно, полностью от нее освободиться, не позволив памяти оставить след в уме? Эти воспоминания являются представлениями, которые мы повсюду несем с собой, и они есть то, что соприкасается с этой удивительной

вещью, называемой жизнью; отсюда возникает противоречие и, следовательно, конфликт. Жизнь — нечто абсолютно реальное, это не абстракция, и когда вы встречаете ее с вашими представлениями, возникают проблемы.

Можно ли подойти к любой проблеме без пространственно-временного интервала, без промежутка между самим человеком и тем, чего он боится? Это возможно только когда наблюдающий не имеет длительности, не создает представления, не представляет собой скопление воспоминаний, идей, не является пучком абстракций. Когда вы смотрите на звезды, есть вы, который смотрит на звезды в небе; небо полно сверкающих звезд, воздух прохладен, и есть вы, наблюдающий, переживающий, мыслящий; вы, с вашим ноющим сердцем; вы, центр, создающий пространство. Вы никогда не поймете пространство между вами и звездами, вами и вашей женой, мужем, другом, потому что вы никогда не смотрели на них без представления, и в этом причина том, что вы не знаете, что такое красота и что такое любовь. Вы говорите о них, вы пишете о них, но вы никогда их не знали, за исключением, быть может, редких мгновений полного самозабвения. Пока существует центр, создающий вокруг себя пространство, нет ни любви, ни красоты. Когда же нет ни центра, ни периферии, тогда существует любовь, и когда вы любите, вы сами есть красота.

Когда вы смотрите на лицо перед вами, вы смотрите из центра, а центр создает пространство между человеком и человеком, вот почему наши жизни так пусты и убоги. Вы не можете культивировать любовь или красоту, как не можете придумать истину, но если вы все время осознаете, что вы делаете, вы можете культивировать осознание, и от этого осознания вы начнете видеть природу удовольствия, желания и печали человека, полного одиночества и тоски, а затем вы начнете постигать то, что называется <пространством>.

Пока существует пространство между вами и объектом, который вы наблюдаете, любви нет и любви не будет. Без любви, как бы вы ни старались преобразить мир, создать новый социальный порядок, и как бы много вы ни говорили об улучшениях, вы создадите только страдания. Итак, дело в вас. Не существует лидера, учителя, нет никого, кто бы сказал вам, что надо делать. Вы один в этом диком, жестоком мире.

ГЛАВА XII

Наблюдающий и наблюдаемое.

Прошу вас, продолжим наши исследования дальше. Это может показаться довольно сложным и запутанным, но все же давайте продолжим. Итак, когда я создаю представление о вас или о чем-либо, я могу наблюдать за этим представлением. Так что существует представление и тот, кто наблюдает за представлением. К примеру, я вижу кого-то в красной рубашке, и моя мгновенная реакция показывает, нравится мне это или не нравится. Нравится или не нравится — это результат моей культуры, моего воспитания, моих ассоциаций, моих наклонностей, моих приобретенных или унаследованных свойств. Из этого центра я наблюдаю и составляю мнение; наблюдающий, таким образом, отделен от того, что он наблюдает. Наблюдающий сознает, что у него не одно представление, а значительно больше. Он создает тысячи представлений, но является ли наблюдающий чем-то отличным от этих представлений? Быть может, и он сам — лишь еще одно представление? Он все время что-то добавляет или отбрасывает; он — нечто живое, он все время взвешивает, сравнивает, оценивает, выносит суждения, модифицирует, изменяет под влиянием внешнего или внутреннего давления, он живет в сфере сознания, которое состоит из его собственного знания, разного рода влияний и бесчисленных соображений. В то же время, когда вы смотрите на наблюдающего, которым являетесь вы сами, вы видите, что он состоит из воспоминаний, переживаний, событий, влияний, традиций, множества разных форм страдания и всего, что есть прошлое. Таким образом, наблюдающий есть и прошлое и настоящее. Ожидаемый завтрашний день также является его частью. Он наполовину жив, наполовину мертв. И он смотрит через все эти смерти на жизнь, и в этом состоянии ума, находящегося в сфере времени, вы (наблюдающий) смотрите на страх, на ревность, на войну, на свою семью, нечто уродливое, обособленное, именуемое семьей, и пытаетесь разрешить проблему того, что наблюдаете. Это является вызовом новому. Вы всегда переводите новое в термины старого, и поэтому вы всегда находитесь в непрестанном конфликте.

Одно представление, которым является наблюдающий, наблюдает за множеством других представлений вокруг себя и в самом себе. Наблюдающий говорит: <Это представление мне нравится, я его сохраняю, а это представление мне неприятно, я хочу от него избавиться>. Но сам он состоит из различных представлений, возникших как реакция на другие представления. Итак, мы дошли до того пункта, когда можем сказать, что наблюдающий — это тоже представление, только он отделил себя самого и наблюдает. Этот наблюдающий, возникший из различных других представлений, считает себя чем-то постоянным, неизменным, и между ним и созданными им представлениями существует разделенность, временной интервал. Это порождает конфликт между ним и представлениями, которые он считает причиной своих бед, поэтому он говорит: <Я должен избавиться от конфликта>. Но само это желание избавиться от конфликта создает новое представление.

Осознание всего этого является истинной медитацией и показывает, что имеется центральное представление, сложившееся из всех других представлений, и это центральное представление, наблюдающий, является цензором, тем, кто переживает, оценивает, судит, кто хочет подчинить, овладеть остальными представлениями или полностью их уничтожить. Эти остальные представления — результат суждений, мнений и умозаключений того, кто

наблюдает, а сам наблюдающий — результат всех других представлений. Таким образом, наблюдающий есть наблюдаемое.

Итак, осознание обнаружило различные состояния нашего ума, дало возможность увидеть различные представления и противоречия между ними, раскрыло возникающий из этого конфликт и отчаяние в связи с невозможностью что-либо с этим сделать, а также позволило увидеть разнообразные попытки ума спастись от конфликта бегством. Все это было открыто благодаря осторожному, колеблющемуся осознанию. Затем пришло понимание, что наблюдающий есть наблюдаемое. Не некая высшая сущность, не высшее <Я>; (высшая сущность, высшее <Я> — просто выдумка, дальнейшее представление), а само осознание открыло, что наблюдающий есть наблюдаемое.

Вы задаете себе вопрос, кто та сущность, которая собирается получить ответ, и кто та сущность, которая собирается задать вопрос? Если эта сущность — часть сознания, часть мышления, тогда она не способна исследовать, выяснять. Понимание может произойти только в состоянии осознания, но если в этом состоянии осознания все еще присутствует сущность, которая говорит: <Я должен быть осознающим, я должен практиковать осознание>, — тогда это снова представление. Осознание того, что наблюдающий есть наблюдаемое, не является процессом отождествления с объектом наблюдения. Отождествлять себя с чем-то довольно легко. Большинство из нас отождествляет себя с чем-либо: со своей семьей, со своим мужем или женой, со своей нацией; и это ведет ко многим страданиям и ко многим войнам. Сейчас мы рассматриваем нечто совершенно иное, и мы должны понять это не на словесном уровне, но в самом сердце, в самой основе нашего существа. В древнем Китае, прежде чем начать писать картину, например, дерево, художник сидел перед ним много дней, месяцев, лет, не имело значения, как долго, пока он не становился деревом. Он не отождествлял себя с деревом, но был им. Это означает, что нет пространства между ним и деревом, нет пространства между наблюдающим и наблюдаемым, нет того, кто переживает красоту движения тени, густоту листвы, особенность окраски; он был полностью деревом, и только в таком состоянии он мог писать. Всякое утверждение со стороны наблюдающего, если он не осознал того, что он есть наблюдаемое, создает только новый ряд представлений, и он снова оказывается у них в плену. Но что происходит, когда наблюдающий осознает, что он есть наблюдаемое? Не торопитесь, двигайтесь очень медленно, т.к. то, к чему мы сейчас подходим, очень сложно. Что же происходит? Наблюдающий не действует вообще. Наблюдающий всегда говорит: <Я должен сделать что-то с этими представлениями, я должен преодолеть их или придать им иную форму>, он всегда активен в отношении того, что он наблюдает, действуя и реагируя со страстью или более спокойно, и его действия, вытекающие из того, что ему нравится или не нравится, называются позитивным действием типа: <Это мне нравится, поэтому я должен этим владеть, то мне не нравится, поэтому я должен от него избавиться>; но когда наблюдающий поймет, что предмет, в отношении которого он действует, — это он сам, тогда между ним и предметом нет конфликта. Он есть это, он не является чем-то отделенным от этого. Пока он был отдельным, он делал или пытался делать что-то с этим, но когда он понял, что он есть предмет наблюдения, тогда нет никаких не нравится или нравится, и конфликт прекращается.

Так что же ему делать? Если это нечто есть он сам, вы сами, как вы можете действовать? Вы не можете восстать против этого, бежать от него или даже просто игнорировать; оно существует, поэтому всякое действие, которое вытекает из реакции типа <нравится — не нравится>, прекращается.

Тогда вы убеждаетесь, что осознание стало удивительно живым. Оно не связано с какой-либо центральной установкой или каким-то представлением, и из этой силы осознания возникает иное качество внимания, поэтому ум, который есть это осознание, становится необычайно чувствительным и достигает высокой степени мудрости.

ГЛАВА XIII

Что такое мышление? Идеи и действие. Вызов. Материя. Возникновение мысли.

Теперь попытаемся выяснить, что такое мышление. Как отличается мысль, которая дисциплинируется вниманием, логикой, здравым смыслом (для нашей повседневной деятельности), от мысли, которая вообще не имеет никакого значения? До тех пор, пока нам не будут ясны две эти разновидности мысли, мы не сможем понять и то более глубокое, к чему мысль не может прикоснуться. Итак, попытаемся понять всю ту целостную, сложную структуру, которая определяет память, попытаемся понять, откуда возникает мысль, которая затем обуславливает все наши действия, и, если мы поймем все это, мы, быть может, натолкнемся на нечто такое, чего мысль никогда не раскрывала, к чему мысль никогда не могла найти ключ. Почему мысль приобрела такое важное значение в нашей жизни, мысль, которая есть идея, ответ на вызов, накопление памяти в клетках мозга? Быть может, многие из нас прежде не задавали себе такого вопроса или, если задавали, то, возможно, говорили: <Это не имеет особого значения, важны эмоции>. Но я не представляю, как вы отделяете одно от другого. Если мысль не придает длительности чувству, чувство умирает очень скоро. Итак, почему мысль приобрела такое необычайное значение в нашей жизни, в нашей скучной, трудной, исполненной страха жизни? Задайте себе этот вопрос, как я задаю его себе. Почему человек стал рабом мысли, хитрой мысли, которая может организовывать, которая так много изобрела, породила так много войн, создала так много страха, тревог, которая непрерывно плодит представления и гонится за собственным хвостом, мысли, которая испытала удовольствие вчера и продлевает это удовольствие в настоящее, а также в будущее; мысли, которая всегда активна, которая всегда болтает, движется, констатирует, отбрасывает, добавляет, предполагает? Идеи стали гораздо более важными для нас, чем действия, — идеи, столь умно изложенные в книгах интеллектуалами в различных областях знания. Чем тоньше и изощреннее эти идеи, тем больше мы преклоняемся перед ними и перед книгами, в которых они содержатся. Мы сами есть эти книги, мы есть эти идеи, мы всецело обусловлены ими. Мы постоянно дискутируем об идеалах, идеях и мнениях со всеми их вывертами. У каждой религии свои догмы, свои формулировки, свой собственный путь мученического достижения богов, и когда мы исследуем истоки мысли, нам открывается значение всей структуры в целом. Мы отделили идеи от целого, ибо идеи всегда от прошлого, а действие всегда от настоящим, поэтому и жизнь — всегда настоящее. Мы испытываем страх перед жизнью, и поэтому прошлое — формы и идеи — приобрело для нас такое важное значение.

Чрезвычайно интересно наблюдать процесс собственного мышления, просто наблюдать, как мыслишь. Откуда берет начало эта реакция, которую мы называем мышлением? Очевидно, из памяти, но существует ли вообще начало мысли? Если существует, то можем ли мы открыть этот источник, источник памяти (потому что если у нас не будет памяти, у нас не будет мышления)? Мы видели, как мысль поддерживает и продлевает удовольствие, испытанное нами вчера, и как мысль продлевает также противоположность удовольствия, являющуюся страхом и страданием; таким образом, тот, кто переживает и мыслит, сам и представляет собой эти удовольствия и страдания, а также является той сущностью, которая питает и поддерживает удовольствие и страдание. Тот, кто мыслит, отделяет удовольствие от страдания, Он не видит, что в самом требовании удовольствия таится страдание и страх. Мысль в человеческих отношениях всегда содержит требование удовольствия, которое она прикрывает разными словами, такими, как верность, помощь, жертва, поддержка, служение.

Хотел бы я знать, почему нам надо служить? Бензоколонка предоставляет отличный сервис. Что значат эти слова: отдавать, помогать, служить? Что здесь имеется в виду? Говорит ли полный меда и света цветок: <Я даю, помогаю, служу>? Он есть. Он не пытается что-либо делать, он просто вплетается в поверхность земли.

Мысль так хитра, так изощрена, что для своего удобства все искажает. Требуя удовольствия, мысль создает свои собственные оковы. Она создает двойственность во всех наших отношениях; а в нас имеется склонность к насилию, которая доставляет нам удовольствие, но есть также страстное желание обрести мир, мечта быть мягкими и добрыми, вот что постоянно происходит в жизни всех нас. Мысль не только порождает в нас эту двойственность, это противоречие, но она также накапливает бесчисленные воспоминания об испытанных нами удовольствиях и страданиях. А эти воспоминания рождают ее вновь. Таким образом, как я уже отметил, мысль есть прошлое, мысль всегда стара. Всякий вызов всегда нов, а формулируется он неизменно в терминах прошлого, а отсюда и все неадекватности, противоречия, конфликты и все несчастья и печали, которые мы наследуем. Наш жалкий мозг всегда пребывает в конфликте, что бы он ни делал: жаждет он чего-то или подражает, приспосабливается, подавляет, сублимирует, прибегает к наркотикам, чтобы расширить свои возможности, — что бы он ни делал, он пребывает в состоянии конфликта и будет создавать лишь конфликт.

Те, кто много думают, являются истинными материалистами, потому что мысль — это материя. Она материальна в такой же степени, как пол, стена, телефон. Существует энергия, существует материя. Все это есть жизнь. Мы можем думать, что мысль нематериальна, но она материальна, так же материальна, как и идеология. Там, где присутствует энергия, она становится материей. Материя и энергия взаимопроникают друг друга. Одна не может существовать без другой; чем больше гармония и равновесие между ними, тем больше активность клеток мозга. Мысль установила этот шаблон удовольствия, страдания, страха и функционирует в пределах этого шаблона на протяжении тысячелетий, но она не в состоянии разрушить этот шаблон, потому что она является его продуктом. Новый факт не может быть воспринят мыслью, мысль может понять это позднее на уровне слов, но понимание нового факта не является реальностью для мысли. Мысль никогда не может разрешить никакой психологической проблемы, какой бы она ни была изощренной, хитрой и эрудированной, какую бы структуру она ни создала с помощью науки, с помощью электронного мозга, по принуждению или под давлением необходимости; мысль никогда не бывает новой, и поэтому она никогда не может дать ответ ни на какой значительный вопрос. Старый мозг не может разрешить грандиозной проблемы.

Мысль изворачивается, потому что она может выдумывать все что угодно и видеть вещи, которых не существует. Она может проделывать самые необычайные трюки, и поэтому на нее нельзя полагаться, но если вы поняли всю структуру мышления — как вы мыслите, почему вы мыслите, какими словами пользуетесь, как вы ведете себя в повседневной жизни, как вы разговариваете с людьми, как вы к ним относитесь, как вы ходите, как вы едите — если вы осознали все это, тогда ваш ум не введет вас в заблуждение, тогда ничто не может вас обмануть, тогда ум не требует, не подчиняет; он становится необычайно спокойным, гибким, сенситивным, пребывающим наедине с собой, и в этом состоянии ничто не может его обмануть.

Если человек хочет увидеть что-либо очень ясно, его ум должен быть очень спокоен, без всех этих предвзятых мнений, без болтовни, диалога, представлений, образов, — все это

должно быть отброшено ради того, чтобы видеть. И только в тишине вы можете наблюдать, как рождаются мысли, а не тогда, когда вы ищете, задаете вопросы, ждете ответа. Только когда вы полностью спокойны, спокойны всем вашим существом. Тогда, если вы зададите вопрос, как возникает мысль, вы начнете видеть из этой тишины, как мысль обретает форму. Если мы осознали, как возникает мысль, то нет необходимости ее контролировать. Мы тратим очень много времени и расточаем очень много энергии в течение всей нашей жизни, пытаясь контролировать наши мысли, — это хорошая мысль, я должен ее поощрять, эта мысль плохая, я должен подавить ее, — идет непрерывная борьба между одной мыслью и другой, между одним желанием и другим, одно удовольствие преобладает над всеми остальными; но если существует осознание того, как возникает мысль, то нет противоречия в мышлении.

Так вот, когда вы слышите утверждение, например, что мысль всегда стара, или что время есть страдание, мысль начинает объяснять это и истолковывать. Но объяснения и истолкования основаны на знании и опыте вчерашнего дня, и таким образом ваше толкование неизменно будет исходить из вашей обусловленности. Но если вы посмотрите на эти утверждения, не пытаясь их толковать, а просто отдавая им все ваше внимание (не просто сосредоточение), вы обнаружите, что не существует ни наблюдающего, ни объекта наблюдения, ни мыслящего, ни мысли. Не спрашивайте, <что возникло раньше>. Это хитрый аргумент, который никуда не ведет. Вы можете наблюдать в самом себе, что до тех пор, пока нет мысли, исходящей от памяти, опыта или знаний, которые все являются прошлым, не существует вообще того, кто мыслит. Это не философия и не мистика. Мы имеем дело с действительными фактами, и вы увидите, если до конца проделали путь нашего исследования, что вы будете отвечать на вызов не так, как прежде, а совершенно по-новому.

ГЛАВА XIV

Время вчерашнего дня. Спокойный ум. Общение. Достижения. Дисциплина. Безмолвие. Истина. Действительность.

В жизни, которую мы обычно ведем, очень мало возможности уединения. Даже когда мы остаемся одни, в нашу жизнь вторгается так много влияний, так много знаний, так много воспоминаний о столь многих переживаниях, так много тревог, страданий и конфликтов, что наш ум становится все более и более тупым, все более и более невосприимчивым, действуя однообразно, рутинно. Бываем ли мы когда-нибудь наедине с самим собой? Или мы несем в себе все бремя вчерашнего дня?

Существует довольно милая история о двух монахах, шедших из одной деревни в другую и повстречавших молодую девушку, которая сидела у реки и плакала. Один из монахов подошел к ней и спросил: <Сестра, о чем ты плачешь?> Она ответила: <Видите дом на том берегу реки? Рано утром я легко перешла реку вброд, теперь вода поднялась, и я не могу вернуться. У меня нет лодки>. <О, — сказал монах, — тут вовсе нет проблемы>. Он поднял ее и перенес через реку на тот берег. Монахи пошли дальше. Через некоторое время, несколько часов, второй монах сказал: <Брат, мы дали обет никогда не прикасаться к женщинам. Ты совершил ужасный грех. Разве ты не испытал огромного наслаждения от прикосновения к женщине?> Первый монах ответил: <Я расстался с нею два часа назад, а ты все еще несешь ее?>

Именно так поступаем мы. Мы все время тащим наш груз, никогда не умираем для него, никогда не расстаемся с ним. Только когда мы уделяем проблеме полное внимание и решаем ее немедленно, никогда не перенося ее в следующий день, следующую минуту, имеет место уединение. Тогда, даже если мы живем в перенаселенном доме или находимся в автобусе, мы пребываем в уединении, и это бытие с самим собой указывает на то, что ум наш свеж и ясен.

Иметь внутреннее уединение и внутренний простор очень важно, ибо это означает свободу быть, идти, действовать, лететь. В конечном счете, дорога может цвести, если есть простор, так же как добродетель может цвести только когда существует свобода. Мы можем иметь политическую свободу, но внутренне мы не свободны, и поэтому у нас нет внутреннего простора. Ни добродетель, ни другие ценные качества не могут проявляться или расти без этого обширного пространства внутри нас самих. И простор, и тишина необходимы, потому что только когда ум наедине с собой, когда он не находится под влиянием, когда его не воспитывают, когда он не охвачен бесчисленными переживаниями, — только тогда он может прийти к чему-то совершенно новому.

Человек может непосредственно убедиться, что ум способен ясно видеть лишь в безмолвии. Вся цель медитации на Востоке заключалась в том, чтобы привести ум в такое состояние, то есть подчинить мысль контролю. Это равносильно непрестанному повторению молитвы для успокоения ума в надежде, что это состояние поможет человеку понять его проблемы. Но пока человек не заложил фундамент, то есть пока он не свободен от страха, печалей, тревог и всех тех сетей, которые он расставил для самого себя, я не вижу возможности для ума быть совершенно спокойным. Рассказать об этом чрезвычайно трудно.

Общение между нами предполагает, не так ли, что вы должны понимать не только слова, которые я употребляю, но что мы вместе, вы и я, в одно и то же время, ни на момент позже или раньше, должны быть способны встречаться друг с другом на одном и том же уровне. А такое общение невозможно, когда вы истолковываете то, что вы читаете, в соответствии со своими собственными знаниями, мнениями, или когда вы прилагаете огромное усилие, чтобы понять.

Мне кажется, что величайшим камнем преткновения в жизни является постоянная борьба за то, чтобы достичь, добиться, приобрести. С детства нам внушают стремление приобретать и добиваться. Сами клетки мозга создают и требуют этого шаблона достижений, чтобы иметь физическую безопасность. Безопасность психологическая — вне сферы достижений. Мы требуем надежности во всех наших отношениях, во всех аспектах нашей деятельности. Но, как мы видели, фактически такого понятия, как надежность, не существует. Выяснить для себя, что не существует никакой формы надежности, ни в каких отношениях, понять, что психологически не существует ничего постоянного, означает проявить совершенно иной подход к жизни. Разумеется, важно иметь внешнюю надежность: кров, одежду, пищу, но эта внешняя надежность уничтожается требованием психологической надежности.

Простор и безмолвие необходимы, чтобы ум мог подняться над ограниченностью сознания, но как может ум, непрерывно действующий в сфере собственных интересов, быть безмолвным? Можно его дисциплинировать, контролировать, приводить в порядок, но все эти мучительные процедуры не сделают ум спокойным. Он просто станет тупым. Очевидно, что просто гнаться за идеалом безмолвного ума — бесполезно, ибо чем больше усилий вы прилагаете, тем более узким и вялым ум становится. Контроль в любой форме, как и подавление, создают только конфликт. Таким образом, контроль и внешняя дисциплина не дают результата, но в то же время жизнь без дисциплины не имеет никакой ценности.

Жизнь большинства из нас внешне дисциплинирована требованиями общества, семьи, нашими собственными страданиями, нашим собственным опытом, приспособлением к определенным идеологическим или принятым шаблонам, а эта форма дисциплины — самая губительная. Дисциплина должна быть без контроля, без подавления, без какого-либо страха. Как может придти такая дисциплина? Не бывает так, что сначала идет дисциплина, а потом свобода; свобода есть самое начало, а не конец. Понимание этой свободы, которая является свободой от приспособления к дисциплине, есть дисциплина сама по себе. Самый акт учения есть дисциплина (в конечном счете, основное значение слова <дисциплина> — учиться). Самый акт учения становится ясностью. Чтобы понять целостную структуру и природу контроля, подавления и потакания, требуется внимание. Вы не должны навязывать себе дисциплину для того, чтобы изучать это, но самый акт учения имеет в себе свою собственную дисциплину, в которой нет подавления.

Для того, чтобы отбросить авторитет (мы говорим о психологическом авторитете, но не об авторитете закона), авторитет всех религиозных организаций, традиций и опыта, человек должен понять, почему он обычно подчиняется, и должен действительно исследовать — это. А для того, чтобы изучить это, должна быть свобода от осуждения, оправдания, мнения или притяния. Принимать авторитет и в то же время исследовать его — невозможно. Чтобы изучить всю психологическую структуру авторитета, в нас самих должна быть свобода. Когда мы изучаем, мы отбрасываем полностью всю эту структуру. А когда мы отбрасываем, само это отбрасывание есть просветление ума, что, в свою очередь, является свободой от авторитета. Отрицать все, что принято считать ценным, например, внешнюю дисциплину,

руководство, идеалы, — значит изучать их. Тогда самый акт изучения есть не только дисциплина, но также и отрицание ее. И само это отрицание представляет собой позитивное действие. Таким образом, мы отрицаем все то, что считалось важным, для того, чтобы достичь спокойствия ума. Итак, мы видим, что контроль — это не то средство, которое может привести к безмолвию. Ум не затихает также, если он занят каким-то объектом, который целиком его поглощает, так что он теряется в этом объекте. Нечто подобное происходит, когда ребенку дают интересную игрушку: он становится очень спокойным, но отберите игрушку — и он снова начинает шалить. У всех у нас имеются игрушки, которые нас поглощают, и мы думаем, что мы очень спокойны, но если человек посвятил себя определенному роду деятельности: научной, литературной или какой-либо еще, эта игрушка просто поглощает его, а в действительности он вовсе не спокоен.

Единственная тишина, которая нам известна, это тишина, когда прекращается шум, тишина, когда прекращается мысль. Но это не безмолвие. Безмолвие по сути своей нечто совершенно иное, равное красоте, равное любви. Такое безмолвие не есть продукт затихшего ума, это не продукт клеток мозга, которые поняли всю структуру и говорят: ради Бога, утихомирься. Тогда сами клетки мозга создают тишину, но это не безмолвие. Не возникает безмолвие и как результат внимания, в котором наблюдающий есть наблюдаемое. Здесь нет трения, диссонанса, но нет и безмолвия. Вы ждете, что я опишу вам это безмолвие, чтобы вы могли его сравнить, истолковать, унести с собой и похоронить. Оно не может быть описано. То, что может быть описано, есть известное, а свободу от известного бытие может обрести только тогда, когда каждый день умираешь для известного: для обид, для лести, для всех созданных тобою представлений, для всех твоих переживаний, умираешь каждый день так, что сами клетки мозга становятся свежими, молодыми, чистыми. Но эта чистота, эта свежесть, эти качества нежности и доброты сами по себе не порождают любви. Любовь не является свойством красоты или тишины.

То безмолвие, которое не есть тишина после прекращения шума, — это лишь самое начало. Оно так же мало позволит ощутить неизмеримое, состояние вне времени, как маленькое отверстие позволило бы воспринять всю огромную широту необъятного океана. Но вы не можете понять это на уровне слов, пока вы не поняли всей структуры сознания, значения удовольствия, печали и отчаяния, а также пока сами клетки мозга не пришли в состояние покоя. Когда это произойдет, вы, быть может, придете к той тайне, которую никто не может открыть вам и ничто не может разрушить. Живой ум — это ум спокойный, это ум, который не имеет центра и который, следовательно, пребывает вне пространства и времени. Такой ум беспределен, а это истина и факт чрезвычайной важности.

ГЛАВА XV

Опыт. Удовлетворение. Двойственность. Медитация

Все мы стремимся иметь опыт разного рода: мистический, религиозный, сексуальный, опыт обладания большими деньгами, положением, властью. С возрастом мы оказываемся способными преодолеть власть физических потребностей, и тогда мы начинаем ощущать необходимость в более широких, глубоких, более значительных познаниях, и мы прибегаем к различным средствам, чтобы достичь их, расширяя наше сознание, например (что представляет собой подлинное искусство), или принимая разные наркотики. Это старый трюк, который существует с незапамятных времен: жевание каких-то листьев, экспериментирование с новейшими химическими составами, чтобы вызвать временное изменение структуры мозговых клеток, достичь более высокой сенситивности и восприимчивости и, тем самым, получить некую видимость реальности. Эта жажда все больших и больших впечатлений говорит о внутренней бедности человека. Мы думаем, что с помощью таких впечатлений мы можем убежать от самих себя, но ведь эти впечатления обусловлены тем, чем являемся мы сами. Если ум мелок, завистлив, охвачен тревогой, то какие бы наркотики человек ни принимал, включая самые новейшие их виды, он по-прежнему будет воспринимать лишь убогие творения своего собственного ума, его собственные ничтожные проекции, обусловленные самой его основой.

Большинство из нас жаждет полностью удовлетворяющих стойких впечатлений, которые не могут быть разрушены мыслью. Таким образом, за жаждой впечатлений скрывается жажда получить удовлетворение. А жажда удовлетворения требует впечатлений, и поэтому нам необходимо понять не только всю проблему удовлетворения, но также и такую вещь, как впечатления. Получение сильных впечатлений доставляет большое удовольствие. Чем длительнее, глубже и ярче впечатление, тем большее удовольствие оно доставляет. Таким образом удовольствие диктует форму впечатления, которого мыждем. И удовольствие — это мерило, посредством которого мы оцениваем впечатление. Все, что можно измерить, находится в пределах мышления и способно порождать иллюзию. Вы можете испытать удивительное переживание, и все же быть полностью во власти иллюзии. Все ваши видения неизбежно будут соответствовать вашей обусловленности, и вы будете видеть Христа или Будду или кого-то еще в зависимости от вашего верования, и чем сильнее ваше верование, тем большей силой будут обладать ваши видения, проекции ваших собственных надежд и стремлений.

Так, если в искании чего-то фундаментального, такого, как Истина, мерилom является удовольствие, вы уже создали проекцию того, что будет вашим познанием, и, следовательно, ваши переживания не будут подлинными.

Что мы подразумеваем под опытом? Есть ли в опыте нечто новое или самобытное? Опыт представляет собой пучок воспоминаний, соответствующий какому-то вызову. Это соответствие всегда определяется имеющейся в вас основой, и чем вы умнее в отношении интерпретации опыта, тем в большей степени проявится это соответствие. Поэтому мы должны исследовать не только опыт кого-то другого, но и свой собственный опыт. Если вы его осознали, то это вовсе не опыт. Каждый опыт, каждое переживание уже было испытано,

иначе вы бы не могли осознать его. Вы осознаете опыт как нечто хорошее, дурное, прекрасное, священное и т.д. в соответствии с вашей обусловленностью, и, следовательно, осознание опыта должно неизбежно быть старым.

Когда мы хотим получить переживание реальности (а ведь мы все хотим этого, не так ли?), то, чтобы получить это переживание реальности, мы должны узнать ее. Но в тот момент, когда мы ее узнаем, перед нами — ее проекция, и, следовательно, наши переживания нереальны — ведь проекция лежит в сфере мысли и времени. Если можно мыслить о чем-то как о реальности, то это уже не может быть реальностью; мы не можем узнать новый опыт, это невозможно; мы узнаем только то, что уже знаем, и поэтому, когда мы говорим, что получили новый опыт, новое переживание, — оно вовсе не новое. Поиск новых переживаний путем расширения сознания, который достигается с помощью психотропных наркотиков, все еще остается в сфере сознания, и поэтому его перспективы очень ограничены.

Итак, мы раскрыли фундаментальную истину, которая состоит в том, что ум, ищущий, жаждущий все более широких и глубоких переживаний, — очень мелкий и тупой ум, потому что он живет всегда в своих воспоминаниях. Ну, а если у нас вообще не будет никаких переживаний, что тогда с нами произойдет? Мы зависим от переживаний, вызовов, которые поддерживают нас в состоянии бодрствования. Если бы в нас самих не было никаких конфликтов, никаких изменений, никаких тревог, все мы крепко спали бы, поэтому вызовы необходимы для большинства из нас; мы считаем, что без них наш ум станет тупым и сонным, и поэтому мы зависим от вызовов, от переживаний, которые усиливают наши волнения, напряженность чувств, делают наш ум более острым. Но фактически эта зависимость от вызовов, переживаний только притупляет наш ум и вовсе не помогает сохранить бодрствующее состояние. И вот я задаю себе вопрос, можно ли сохранить состояние полного бодрствования не в отдельных периферических точках моего существа, но быть полностью бодрствующим без всяких вызовов и переживаний? Для этого требуется большая восприимчивость, как физическая, так и психическая. Это означает, что я должен быть свободным от всяких потребностей, ибо в тот момент, когда я испытываю потребность, у меня возникает желание испытать переживание. Чтобы быть свободным от потребностей и их удовлетворения, необходимо исследовать в самом себе и понять всю природу потребности и ее целостность.

Потребность рождается из двойственности: <Я несчастен, я должен быть счастлив>. В самом требовании, что я должен быть счастлив, содержится несчастье. Когда человек делает усилие, чтобы быть добрым, в самой этой доброте есть ее противоположность — зло. Все достигнутое содержит свою противоположность, и стремление преодолеть ее усиливает то, против чего борются. Когда вы испытываете потребность в переживании истины или реальности, эта потребность рождается из вашей неудовлетворенности тем, что есть, и поэтому потребность создает противоположное, а в этом противоположном пребывает то, что было. Таким образом, человек должен быть свободным от этой непрекращающейся потребности, иначе двойственности не будет конца. Это означает, что знание всегда должно быть полным, чтобы ум прекратил искания.

Такой ум не будет требовать переживаний. Он не будет нуждаться в вызове или воспринимать вызов, он не скажет: <я сплю> или <я бодрствую>. Он будет полностью тем, что он есть. Только пребывающий в разладе с собою, узкий, мелкий ум ищет большего. Возможно ли тогда жить в этом мире без большего, без этого нескончаемого сравнения? Конечно можно. Но каждый должен выяснить это сам.

Изучение этого вопроса во всей его целостности и есть медитация. Это слово использовалось на Востоке и на Западе, к сожалению, самым неудачным образом. Существуют различные медитации, различные методы и системы. Есть системы, которые говорят: <Следите за движениями большого пальца вашей ноги. Следите, следите, следите>. Есть и другие системы, которые рекомендуют сидеть в определенном положении, правильно дышать или практиковать осознание. Все это крайне механистично. Есть метод, предлагающий вам определенное слово, повторение которого даст вам необычайные трансцендентные переживания. Это полнейшая чепуха. Тут некая форма самогипноза. Многократное повторение слова <аминь>, или <ом>, или <кока-кола> вызовет у вас определенные переживания, потому что от повторения ум затихает. Это хорошо известный феномен, который на протяжении тысячелетий практиковался в Индии и получил название мантра-йоги. Повторением вы можете привести ваш ум в состояние кротости, доброты, но независимо от этого он все же останется мелким, пустым, убогим умом. С таким же успехом вы можете поставить перед собой на край камина кусок палки, найденной в саду, и каждый день класть перед ним цветы. Через месяц вы будете ему поклоняться и считать большим грехом, если вы не положите цветы.

Медитация — это не следование какой-либо системе, это не повторение и не подражание. Медитация — не концентрация. Это один из излюбленных приемов некоторых учителей медитации, требующих от своих учеников умения сосредоточиться, что означает фиксацию ума на какой-либо мысли и отбрасывание всех других мыслей. Это наиболее уродливая и глупая вещь, которую может проделать любой школьник, если его заставить так делать. Это означает, что внутри вас идет непрекращающаяся борьба между настойчивым желанием сосредоточиться и вашим умом, все время перескакивающим с одного на другое, тогда как вы должны были бы внимательно наблюдать за каждым движением ума, где бы он ни блуждал. Когда ваш ум блуждает, это значит, что вас интересует что-то другое.

Для медитации необходимо, чтобы ум был чрезвычайно живым. Медитация — это понимание жизни в ее целостности, понимание, в котором все формы фрагментирования прекратились. Медитация — не контроль за мыслью, потому что когда мысль контролируется, это порождает конфликт в уме, но когда вы поняли структуру и источник мысли, по-настоящему глубоко в это вникнув, тогда мысль не будет помехой. Само это понимание структуры мышления есть его собственный порядок, который не является медитацией. Медитация должна быть осознанием каждой мысли, каждого чувства, при котором никогда не следует говорить, что это правильно или неправильно. Нужно лишь наблюдать их и двигаться вместе с ними. При таком наблюдении вы начинаете понимать целостное движение мысли и чувств. И из этого осознания возникает безмолвие. Тишина, достигнутая при помощи мысли, есть застой, смерть; но безмолвие, которое приходит, когда мысль постигла свой собственный источник, природу самой себя, постигла, что она никогда не бывает свободной, что она всегда стара, это безмолвие есть медитация, в которой медитирующий полностью отсутствует, потому что ум освободил, опустошил себя от прошлого. Если вы читали эту книгу внимательно в течение часа — это есть медитация; если вы только извлекли из нее несколько слов и восприняли несколько идей, чтобы продумать их позднее — это уже не медитация. Медитация — это состояние ума, который смотрит на все с полным вниманием, целостно, а не выделяя какие-то части. И никто не может научить вас быть внимательным. Если какая-то система учит вас, как быть внимательным, то это внимание в отношении данной системы. А это ведь не является вниманием. Медитация — одно из величайших искусств в жизни, может быть, самое великое, и человек не может

научится медитации от кого бы то ни было. В этом ее красота. Медитация не имеет техники, а следовательно, авторитета. Если вы изучаете себя, наблюдаете за собой, за тем, как вы едите, как говорите, как вы болтаете, ненавидите, ревнуете, если вы осознаете это все в себе, без выбора, это есть часть медитации.

Таким образом, медитация может иметь место, когда вы сидите в автобусе или гуляете в лесу, полном света и теней, или слушаете пение птиц, или смотрите на лицо вашей жены или вашего ребенка. В понимании медитации есть любовь, а любовь — не продукт системы привычек, не результат следования методу. Любовь не может культивироваться мыслью. Любовь может прийти, когда существует полное безмолвие, безмолвие, в котором медитирующий совершенно отсутствует; а ум может быть безмолвным только тогда, когда он понимает свое собственное движение — мысли и чувства. Чтобы понять это движение мысли и чувства, при его наблюдении не должно быть осуждения. Такое наблюдение, конечно, есть дисциплина, но эта дисциплина текуча, свободна, это не дисциплина приспособления.

ГЛАВА XVI

Тотальная революция. Религиозный ум. Энергия Страсть.

Главная задача этой книги состоит в том, чтобы совершить внутри вас, а следовательно, в вашей жизни, полную революцию, не имеющую ничего общего со структурой общества как оно есть. Общество как оно есть представляет собой нечто ужасающее, с его нескончаемыми войнами, независимо от того, являются ли они оборонительными или наступательными. Нам нужно нечто совершенно новое, революция-мутация в самой психике. Старый мозг не способен разрешить проблему человеческих отношений. Старый мозг является азиатским, европейским, американским или африканским, поэтому мы задаем себе вопрос, возможно ли осуществить изменение в самих клетках мозга? Теперь, когда мы несколько лучше поняли себя, давайте спросим себя снова: <Возможно ли для человека, живущего своей обычной повседневной жизнью в этом жестоком, беспощадном, исполненном насилия мире, в мире, все более оснащенном технически, и поэтому все более бесплодном, возможно ли для этого человека совершить революцию не только во внешних отношениях, но во всей сфере его мышления, действий, чувств, реакций?>

Каждый день мы видим или читаем об ужасах, происходящих в мире в результате склонности человека к насилию. Вы можете сказать: <Я ничего не могу с этим поделать> или <Как я могу повлиять на мир?> Я считаю, что вы можете оказать на мир огромное влияние; если сами вы не склонны к насилию, если вы повседневно ведете действительно мирную жизнь, жизнь, в которой нет конкуренции, честолюбия и зависти, жизнь, которая не создает вражды, маленький огонек может стать пламенем. Но привели мир в это нынешнее состояние хаоса мы, из-за нашей эгоцентрической деятельности, нашей ненависти, нашего национализма; и когда мы говорим, что не можем ничего с этим поделать, это означает, что мы миримся с беспорядком в нас самих как с неизбежным. Мы разбили мир на фрагменты, и если мы сами внутренне разорваны, фрагментированы, наши отношения с миром будут также разорванными. Но если мы действуем целостно, то наши отношения с миром претерпят потрясающую революцию.

В конечном счете, любое движение, имеющее ценность, любое действие, имеющее сколько-нибудь глубокое значение, должно начинаться с каждого из нас. Я должен измениться первым, я должен увидеть, какова природа и структура моих отношений с миром, и само это видение есть действие, поэтому я как человек, живущий в мире, внесу иное качество, а это качество, как мне кажется, есть качество религиозного ума.

Религиозный ум — это по сути своей нечто совершенно отличное от ума, который исповедует религию. Вы можете не быть религиозным и оставаться индуистом, мусульманином, христианином, буддистом. Религиозный ум не ведет никаком поиска вообще, он не может экспериментировать с истиной. Истина не есть что-то, продиктованное вашим удовольствием или страданием, вашей обусловленностью, религией индуизма или какой-либо другой, которую вы исповедуете. Религиозный ум — это состояние ума, в котором нет страха и, следовательно, какого бы то ни было верования, в котором пребывает только то, что есть, что по-настоящему есть.

В религиозном уме пребывает то безмолвие (мы о нем уже говорили), которое не создается мыслью, но является результатом осознания, того сознания, которое есть медитация, когда медитирующий полностью отсутствует. Такое безмолвие — это состояние энергии, в котором нет конфликта. Энергия — это действие и движение. Всякое действие есть движение, всякое действие есть энергия, всякое желание есть энергия, всякое чувство есть энергия, всякая мысль есть энергия, все живое есть энергия, всякая жизнь есть энергия. Если этой энергии позволить течь без какого-либо противоречия, без какого-либо трения, без какого-либо конфликта, то она безгранична, бесконечна. Когда нет трения, эта энергия не имеет границ. Трение — это то, что ограничивает энергию. Так почему же человек, способный однажды понять это, почему все-таки он всегда вносит в энергию это трение? Почему он вносит дисгармонию в то движение, которое мы называем жизнью? Не является ли чистая беспредельная энергия для него всего лишь идеей? Неужели она не является действительным фактом?

Мы нуждаемся в энергии не только для того, чтобы совершить тотальную революцию в самих себе, но также и для того, чтобы исследовать, видеть и действовать. И пока существует какой бы то ни было вид разногласия в наших отношениях, — будь то в отношениях между мужем и женой, между человеком и человеком, между одной группой и другой, одной страной и другой или между одной идеологией и другой, — если имеется какое-нибудь внутреннее разногласие или какой-то внешний конфликт в любой форме, каким бы незаметным он ни был, происходит бессмысленная трата энергии.

Пока существует временной интервал между наблюдающим и наблюдаемым, создается дисгармония, вызывающая трату энергии. Эта энергия, накапливаясь, достигает своей высшей точки, когда наблюдающий есть наблюдаемое, когда вообще нет никакого интервала времени, тогда это будет энергия без мотива, и она найдет свой собственный путь действия, потому что <я> уже не существует.

Мы нуждаемся в огромном количестве энергии, чтобы понять неразбериху, в которой мы живем, и такое чувство, как <я должен понять>, несет в себе необходимую жизненную силу. Но для того, чтобы выяснять, искать, требуется время, а мы уже установили, что постепенное освобождение ума от обусловленности — это не путь. Время — это не путь. Стары мы или молоды — однако всегда целостный процесс жизни может быть введен в иное измерение. Не приведет к этому ни искание противоположного тому, что мы есть, ни искусственная дисциплина, навязанная системой, учителем, философом или священником, — все это так несерьезно. Когда мы осознаем это, мы спрашиваем себя: <Можно ли пробиться сквозь тяжкую обусловленность столетий мгновенно и не попасть в другую обусловленность, быть свободным так, чтобы ум мог стать полностью новым, сенситивным, живым, сознающим, сильным, способным?> Вот в чем наша проблема. Не существует никаких других проблем, потому что когда ум обновился, он может справиться с любой проблемой. Это единственный вопрос, который мы должны себе задать.

Но мы его не задаем, мы хотим, чтобы нам сказали. Одним из наиболее странных явлений нашей психики является это желание, чтобы нам сказали. Это происходит оттого, что мы — результат пропаганды тысячелетий, мы хотим, чтобы наши мысли подтвердил или поддержал кто-то другой. Но ведь задавать вопрос — значит спрашивать самого себя. То, что говорю я, имеет очень малую ценность, независимо от того, забудете ли вы это, как только закроете книгу, или будете вспоминать и повторять отдельные фразы, сравнивать то, что здесь прочли, с какими-нибудь другими книгами, — вы не встретите лицом к лицу вашу собственную

жизнь. Значение имеет только ваша жизнь. Вы сами, ваша ограниченность, пустота, жестокость, склонность к насилию, жадность, честолюбие, ваши каждодневные страдания и нескончаемая скорбь — вот что вы должны понять, и никто на земле или на небе не спасет вас от этого, кроме вас самих.

Видя все, что происходит в вашей повседневной жизни, вашей повседневной деятельности, — когда вы едите пирог, когда говорите, когда выходите из дому, чтобы куда-то ехать или куда-то идти, или когда гуляете один в лесу, — можете ли вы одним дыханием, единым взглядом увидеть себя таким, каков вы есть? Когда вы увидите себя таким, каков вы есть, вы поймете всю структуру человеческих стремлений, хитрости человека, его лицемерия, его исканий. Чтобы это сделать, вы должны быть абсолютно честным в отношении себя, всего своего существа. Когда вы действуете в соответствии с вашими принципами, вы бываете нечестным, ибо если вы действуете, исходя из того, чем, по-вашему, вам следовало бы быть, вы оказываетесь не тем, что вы есть. Жестокая это вещь — иметь идеалы. Если у вас имеются какие-либо идеалы, верования или принципы, вы не в состоянии видеть себя непосредственно.

Итак, можете ли вы быть полностью в позиции отрицания, совершенно спокойным, когда нет ни мыслей, ни страха, и все же быть необычайно живым, полным страсти?

Ум, находящийся в состоянии, когда нет более ни усилий, ни стремлений, — это истинно религиозный ум. В таком состоянии ума вы можете прийти к тому, что называется <истина> или <реальность>, блаженством, богом, красотой и любовью. Это не может прийти по вашему желанию. Прошу вас, поймите этот простой факт. Вы не можете прийти по зову, за ним невозможно гнаться, потому что ваш ум слишком глух, слишком мелок, ваши эмоции слишком убоги, ваш образ жизни слишком хаотичен для этой необъятности, для этого огромного нечего, чтобы пригласить его в ваш маленький дом, в тот крошечный уголок, затоптанный и заплеванный, в котором вы живете. Вы не можете его пригласить. Чтобы его пригласить, вы должны его знать, но знать его вы не можете. Если кто-то, кто бы то ни был, скажет: <Я знаю>, в тот момент, когда он это говорит, он не знает. Если в некоторый момент вы утверждаете, что открыли нечего, то вы ничем не открыли. Если вы скажете, что познали это на опыте, то никогда у вас такого опыта не было. Все это пути эксплуатации, использования другого человека — будь я ваш друг или ваш враг — в качестве средства.

И тогда человек задает себе вопрос: <Возможно ли постичь это нечего, не приглашая его, не ожидая, не стремясь, не разведывая, так, чтобы оно пришло само, как дуновение прохладного ветерка в открытое окно?> Вы не можете пригласить ветер, но вы можете оставить окно открытым. Это не означает, будто вы чего-то ждете, ибо ожидание — только одна из форм самообмана. Это не означает, что вы должны как-то раскрыть себя, чтобы воспринимать это нечего; проявилась бы еще одна разновидность мысли.

Не возникал ли у вас когда-нибудь вопрос: <Почему люди лишены этого нечего?> Они рожают детей, испытывают нежность, ощущение, что способны на общение, на совместные переживания в дружбе, в товариществе, но почему им не дано этого нечего? Разве вас никогда случайно не удивляло, когда вы лениво прогуливаетесь по улице, или сидите в автобусе, или проводите свой отпуск на побережье, или гуляете в лесу, полном птиц, деревьев, ручьев, диких животных, — разве вам никогда не приходило в голову спросить, почему так получается, что человек, который живет миллионы лет, не приобрел этого нечего, этого необыкновенного неувядающего цветка? Почему все вы, люди, такие способные, хитрые,

умные, всегда соревнующиеся, создающие свою изумительную технику, летающие по небу, проникающие под землю и морские глубины, изобретающие необычайный электронный мозг, почему вы лишены того, что единственно имеет значение? Я не знаю, приходилось ли вам когда-либо серьезно задумываться над проблемой, почему ваши сердца пусты?

Как бы вы ответили, если бы задали себе такой вопрос? Как бы вы ответили честно, без увеливания или хитрости? Ваш ответ должен был бы находиться в соответствии с той неотложностью, которую вы вкладываете в этот вопрос, и с его устремленностью. Но в вас нет ни устремленности, ни ощущения этой неотложности. И это оттого, что в вас нет энергии, энергии, являющейся страстью, — а вы не можете открыть никакой истины без страсти, неистовой страсти, за которой не скрывается желание. Страсть — это довольно страшная вещь, ибо если вы обладаете страстью, вы не знаете, куда она вас заведет.

Таким образом, страх может быть причиной отсутствия в вас энергии, той страсти, которая необходима для того, чтобы выяснить, почему у вас нет этого качества любви, почему нет этого пламени в вашем сердце? Если вы очень тщательно исследуете свой ум и сердце, то узнаете, почему вы этого лишены. Если вы проявите страсть в стремлении выяснить, почему этого в вас нет, то увидите, что оно в вас есть. Только через полное отрицание, которое есть высшая форма страсти, приходит то, что есть любовь. Любовь, как и кротость, смирение, нельзя культивировать. Смирение приходит, когда полностью исчезло тщеславие — иначе вы никогда не будете знать, что значит быть смиренным. Человек, знающий, что такое быть смиренным, — это тщеславный человек. Таким же образом, когда всем умом, сердцем, нервами, глазами, всем вашим существом вы стремитесь выяснить, как надо жить, увидеть то, что действительно есть, и подняться над ним, приняв позицию полного тотального отрицания в отношении той жизни, которую вы сейчас ведете, — в самом этом отрицании уродливого, жестокого обретает бытие то самое другое. И вы этого также никогда не будете знать. Человек, который знает, что он прибывает в безмолвии, который знает, что он испытывает любовь, такой человек не знает ни что такое любовь, ни что такое безмолвие.

КОНЕЦ

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

